

Нелли Игнатова

Время любить

Вторая любовь

Книга 2

18+

современный любовный роман

Нелли Игнатова

Время любить. Вторая любовь

«Автор»

2026

Игнатова Н. Ю.

Время любить. Вторая любовь / Н. Ю. Игнатова — «Автор»,
2026

Маша и Лёшка ждут ребёнка, они счастливы в семейной жизни. И считают, что настоящая любовь – всегда первая и единственная. Маша абсолютно уверена, что никакой второй любви у неё никогда не будет. Восьмидесятые! Девяностые! Действие романа начинается в июне 1984 года и продолжается до февраля 2000. (в тексте присутствует упоминание алкогольного опьянения и его последствий, курения, которые автор осуждает; интимные сцены без анатомических подробностей).

© Игнатова Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. НЕВЕСТЫ	5
ГЛАВА 2. ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ	20
ГЛАВА 3. ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ	34
ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ	50
ГЛАВА 5. ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Нелли Игнатова

Время любить. Вторая любовь

ГЛАВА 1. НЕВЕСТЫ

Сентябрь 1984 – апрель 1985 гг.

Элле не спалось. Она встала и подошла к окну. Сентябрьская ночь была темна, как её будущее. Она шагнула к кроватке дочери. С появлением кроватки и других детских вещей в комнате Эллы стало тесно. Она взглянула на дочь. Девочка спала, прижимая ручонками к груди полупустую бутылочку с кефиром.

Элла сразу вспомнила, что сама ужинала лишь кефиром. И поняла, почему не может уснуть. Потому что не знает, чем завтра будет кормить дочь. Зарплата у мамы только через несколько дней, а сама Элла еще не устроилась на работу, так как маленькую Алису не с кем оставлять. Она подошла к туалетному столику и открыла шкатулку, в которой хранила золотые украшения. Раньше она была полна до краёв, теперь остались одни сережки и одно колечко с корундами, подаренные отчимом на шестнадцатилетие. Но он уже никогда ничего не подарит Элле. Почти год назад у отчима появилась другая женщина, и они с мамой разошлись. Большую трёхкомнатную квартиру разменяли. Маме досталась двухкомнатная, отчиму – однокомнатная и машина.

А Элла, когда развелась с мужем, не получила вообще ничего. После свадьбы и до развода они жили в квартире родителей Стаса, которые находились в длительной заграничной командировке, и Элла там была не прописана. Никаких совместно нажитых вещей у них не было. Уходя, Элла забрала только ребёнка, детские и свои вещи и драгоценности, которые Стас дарил в первый год совместной жизни, и которые не успел пропить.

Первой из шкатулки исчезла бриллиантовая подвеска. Стас продал её и пропил. Золотые кольца, броши, сережки и цепочки регулярно исчезали, пока Элла не ушла жить к маме. Остальное она продала сама, чтобы как-то прожить. Потому что мама давно не заведующая магазином, а простая уборщица в какой-то третьеразрядной конторе. Понятно, что на её зарплату плюс детское пособие втроём прожить невозможно.

Элла с сожалением закрыла шкатулку. Продавать последние украшения не хотелось. Но что делать? Устроиться на работу? На любой работе зарплата только через месяц. А куда девать Алиску? Она слишком мала даже для яслей...

«Какая же я была дура, что перестала ходить к Лёшке, – с тяжелым вздохом подумала Элла. – Ну, подумаешь, не может ничего делать по дому. Будто Стас что-то делал в последнее время. Зато Лёшка не пьёт. И скоро окончит институт, будет работать инженером, будет получать большую зарплату... Я так давно не покупала себе новых вещей... а то, что было поновее, пришлось продать... Боже, как надоела такая жизнь!.. Может, еще раз сходить к Лёшке?.. Нет, как же я пойду?.. У меня и одеться-то прилично не во что... Ах, дура я, сто раз дура, что отказалась от Лёшки! Если бы действовала настойчивей, могла бы уже снова быть его невестой или даже женой...»

И она предалась мечтам, как это было бы хорошо.

*

Маша легла и уже почти заснула, когда вдруг кто-то тронул её за руку. Она вздрогнула от неожиданности, и открыла глаза. У кровати стояла Юлия.

– Маш, ты не спишь? – шепотом спросила она. – Я поговорить с тобой хочу, можно?

– Можно. Иди сюда, а то замёрзнешь.

Маша подвинулась, и Юлия легла рядом.

– Я ждала, пока девчонки заснут, – шепнула она. – Ой, Машенька, я такая счастливая! Сашка предложил мне замуж! Завтра поедем заявление подавать!

– Значит, ты не будешь делать аборт?

– Ну конечно нет! – шепотом воскликнула Юля. – Да я, наверное, всё равно не решилась бы... А знаешь, зачем Сашка в Москву ездил? Кольца обручальные покупать! Смотри, какое!

Она подняла руку, и в сером полумраке комнаты на её пальце тускло блеснуло золотое колечко.

– Он хотел сделать сюрприз, потому и уехал без меня, – пояснила Юля.

– Он привез кольца сюда? – запоздало удивилась Маша.

– Ну да. В городе же мы не встретились.

– Значит, он обо всем догадался?

– Нет, – Юля помотала головой. – Он подошёл сегодня утром, по дороге в столовую, и сказал: «Юлька, я не знаю, за что ты на меня сердисься. Может, ты меня разлюбила. Но я по-прежнему люблю тебя, и не могу без тебя. Выходи за меня замуж». И протянул кольцо. Я кольцо не взяла, спросила: «Чего это ты вдруг решил на мне жениться?» – «Ну, мы же еще летом вместе так решили, разве нет?» – ответил он. «А почему ты в Москву уехал без меня, и даже не сообщил, что поехал?» – спросила я. А он сказал: «Так я же за кольцами ездил, у нас же в Кирове ничего нет. Хотел сюрприз преподнести. Я же не знал, что ты позвонишь именно в тот день. Извини, если я в чём-то виноват». – «А почему ты не пришёл ко мне, когда приехал в общежитие?» – спросила я. «Но ты же приехала только первого сентября, перед самым отъездом в колхоз, – ответил он. – А на вокзале так на меня посмотрела, что я не решился к тебе подойти. Думал, ты меня разлюбила». Я сказала: «Я тебя не разлюбила, просто обиделась. Думала, что ты уехал в Москву с другой девчонкой. Думала, ты меня разлюбил. И еще по одной причине, о которой ты мог бы и сам догадаться». Он пожал плечами и сказал: «Никаких грехов за собой больше не знаю. Скажи, чем я тебя так обидел, и я постараюсь загладить вину». – «Загладить не удастся, – ответила я. – Но я тебя прощаю». – «Ну, скажи, чем я так провинился, что даже не загладить?» – допытывался он, и тогда я сказала: «Потому что это будет видно всем месяца через два...» А он смотрит на меня, как баран на новые ворота, и ничего понять не может. Тогда я добавила: «Я беременна». Он так обрадовался! Надел кольцо мне на палец и сказал: «Завтра же поедем и подадим заявление в ЗАГС. Ты согласна?» Я ответила: «Да». А он добавил: «Но давай будем считать, что мы поженились сегодня». Я тоже надела ему кольцо на палец... И мы поклялись друг другу всегда быть вместе... Ой, Машенька, я такая счастливая!

– Ну вот, видишь, я же говорила, всё будет хорошо, – улыбнулась Маша, обнимая подругу.

– Я так за тебя рада! Ты теперь невеста... Юль, а ты любишь Сашку?

– Маш, ну о чем ты говоришь?! Конечно, люблю! Да я... я жить без него не могу! Ты пока никому не говори, что мы женимся. Мы с Сашкой хотим устроить ребятам сюрприз.

– Ладно. Не скажу.

Они так и уснули вдвоём на одной кровати. А рано утром Юля и Саша уехали в город.

Лёшка чувствовал себя вполне здоровым, и вместе со всеми пошел на работу.

В столовой, за завтраком Алла вдруг сказала, вроде бы обращаясь к одной Наташке:

– Наташа, ты знаешь, Юлька Баринцева беременна.

Она сказала это не очень громко, но достаточно громко, чтобы услышали все. Разговоры в зале моментально смолкли.

– Какой ужас! – округлив глаза, громким шепотом воскликнула Наташка.

– А я-то всегда считала Юльку порядочной девушкой, – продолжала Алла.

– Я тоже, – подхватила Наташка.

– Но, видимо, права пословица, что в тихом омуте черти водятся, – добавила Алла.

– А как думаешь, от кого она беременна? – любопытствовала Наташка.

– Не знаю, – пожалла плечами Алла. – Но наверняка не от Зубова. Иначе зачем бы им ссориться. Она теперь требует, чтобы он на ней женился.

– А он что?

Алла и Наташа всё более понижали голоса, но в столовой воцарилась мертвая тишина, ребята даже ложками стучать перестали.

– Не знаю, – Алла снова пожалла плечами. – Теперь или он заставит её сделать аборт, или она заставит его на ней жениться. Но я думаю...

Алла не успела договорить. Коновалов вскочил и так стукнул кулаком по столу, что тарелки подпрыгнули и жалобно звякнули, а все ребята вздрогнули от неожиданности.

– Девушки, попрошу вас в общественном месте разговаривать потише! – рявкнул Комиссар.

Алла и Наташа возмущённо взглянули на Сергея, и замолчали, они и так говорили уже почти шепотом.

«Откуда Алла знает, что Юлька беременна?» – подумала Маша, и, когда они вышли из столовой, спросила:

– Леш, ты кроме Сашки никому ничего не говорил?

– Нет.

– Даже не намекал никому?

– Нет! – Лёшка обиделся, что Маша его в чём-то подозревает. – Я и Сашке-то не сказал ничего определенного. Сказал только, долго ли ты еще собираешься девчонку мучить, лучше признайся, любишь или нет. А если ждёшь, что она сама сделает первый шаг, то извини тогда, кто из вас мужчина? А он ответил, что завтра же прямо с утра скажет ей, что любит. Всё.

– Извини, – виновато сказала Маша.

– Ладно, проехали, – ответил Лёшка.

На поле к Маше подошли Мила и Марина.

– Маш, это правда, что Алка говорила? – спросила Мила.

– А почему ты у меня спрашиваешь? – раздраженно ответила Маша. – Вот у Алки и спроси!

– Но ты же близкая подруга Юли, – сказала Марина. – Ты должна знать.

– Ничего я не должна! – разозлилась Маша. – Но если вам от этого станет легче, скажу.

Алка врёт.

– Алка зря говорить не станет, – засомневалась Мила.

– А про тебя и Славика она тоже не зря говорила? – прищурилась Маша.

Мила обиженно поджала губы, а Марина сказала:

– Маш, ну зачем ты...

– Затем, – резко сказала она. – Если вы Алке верите, зачем ко мне пришли?

– Потому и пришли, что сомневаемся в её словах, – сказала Марина.

– Я всё сказала. Больше добавить нечего, – отрезала Маша.

Девушки отошли. Маша еще не успела остыть от гнева, когда к ней подошли Яшка Постромин и Сашка Метелев.

– Маш, это что, правда, что Алка в столовой говорила? – спросил Яшка.

– Неужели и вы ей поверили?! – возмутилась Маша.

– Но уехали же они куда-то сегодня, – пожал плечами Сашка.

– Думайте, что хотите, если вы такие идиоты, что правду от вранья отличить не можете! – ответила Маша и отвернулась.

Коновалов работал рядом, поэтому слышал всё, о чем спрашивали Машу девушки и парни. Он оторвался от сосредоточенного собирания клубней, встал и сказал:

– Ребята! Попрошу всех подойти сюда на несколько минут. Проведем внеплановое комсомольское собрание.

Ребята подошли. Кто уселся на перевернутые ведра, кто остался стоять. Только Алла и Наташа остались на своём ряду.

– А вас что, не касается? – крикнул Нехорошков.

– Работать надо, а не собрания проводить, – ответила Алла, продолжая собирать картошку.

Испугалась, ясно, как день. Так не устраивала бы этот спектакль. Маша поняла, разговор Аллы и Наташи в столовой был затеян специально. Но откуда Алла узнала про Юльку, и про её беременность? И непонятно, зачем рассказала об этом так, чтобы слышали все. Неужели вспомнила давний инцидент про «семью не без уroda»? Вполне возможно, Алла этого и не забывала, и, как только выдалась возможность, решила отомстить Юлке, выставив её перед однокурсниками в дурном свете.

– Вы сами подойдёте, или вас тащить силой? – спросил Сергей и сделал два шага по направлению к девушкам.

Алла с Наташей бросили ведра на землю и нехотя подошли.

– Собрание будет коротким, поэтому секретаря выбирать не будем, президиум тоже, – сказал Комиссар.

– Между прочим, комсорг не ты, а Комаров, – заметила Наташка.

– Ничего, он возражать не будет, если это собрание проведу я, – ответил Комиссар и продолжил: – На повестке дня один вопрос: о поведении студентки нашей группы Аллы Андреевой.

– А что я? – возмутилась та, но как-то не очень уверенно. – Чуть что, так сразу я!

И сделала вид, будто не понимает, зачем Коновалов затеял собрание.

– Помолчи, – сказал Сергей, не глядя на Аллу. – У тебя будет возможность высказаться. Ребята! Все вы сегодня слышали, что говорила Андреева о Юле. Я считаю, что это гнусная ложь, сплетня. Алла, я спрашиваю тебя, – он повернулся к ней. – Как ты могла сказать такое о своей подруге?

– А что я такого сказала? – Алла сделала невинное лицо.

– Я не намерен повторять, – резко ответил Комиссар. – Все слышали, что ты говорила. А теперь скажи, чем ты ручаешься за правдивость своих слов?

– А тем, что Алла никогда не врёт! – заступилась за подругу Наташа.

– Тебе слова не давали, – сказал Сергей. – Я пока что Андрееву спрашиваю. Что же ты молчишь, Алла? Откуда у тебя такая информация?

– Я слышала это ночью от Машки и Юльки, – буркнула Алла.

Теперь Маше стало всё ясно. Юля подумала, что Алла и Наташа уснули, и принялась рассказывать свои новости. Скорее всего, Алла тоже не могла уснуть после выяснения отношений с Машей, и всё слышала.

– Маша, что ты скажешь? – спросил Сергей.

– Это неправда, – ответила она. – Мы разговаривали с Юлей ночью, но не об этом.

– А о чём? – спросил Постромин.

– А это никого не касается.

– Видите, видите! – закричала Алла радостно, указывая на Машу пальцем. – Она не хочет говорить! Значит, я права! Они об этом ночью разговаривали!

– Это не доказательство, – возразил Сергей. – А даже если предположить, что ты говорила правду, Алла, в чём я сильно сомневаюсь, ты всё равно не имела права говорить об этом во всеуслышание.

– А я и не говорила всем! – вызывающе сказала Алла. – Я вообще-то с Наташей разговаривала! И не виновата, что вы любите подслушивать чужие разговоры!

«Сейчас опять выкрутится, и выйдет сухой из воды, – с беспокойством подумала Маша. – Опять повернёт всё так, что окажется права, а все остальные в дураках. Конечно, со временем

они поймут, что Алка врала, но когда еще это будет... Надо срочно что-то предпринять, а то некоторые уже почти верят Алке... И надо же, как все извратила! Теперь даже если Юлька с Сашкой приедут и объявят, что женятся, многие решат, что Юлька заставила Сашку на ней жениться... Что же делать? Рассказать правду? Но Юлька просила никому не говорить... А, ладно, чистое имя подруги дороже тайны».

– Я не понимаю, зачем мы тут собрались, – между тем продолжала идти в наступление Алла. – Уж если и надо обсуждать чье-то поведение, то не моё, а ваше, дорогие однокурсники! За подслушивание чужих разговоров!

– А ты разве не подслушивала ночью? – спросила Маша.

– А мне просто некуда было деваться! – развела руками Алла. – Вы шептались так громко, что и мёртвого могли разбудить!

– Значит, ты утверждаешь, что мы говорили о том, как Юльке заставить Сашку жениться на ней, да? – спросила Маша, глядя прямо в глаза Алле.

– Да! – не моргнув глазом, ответила та.

– Ах, так, значит, если девушка заставляет парня против его воли жениться на ней, он сразу с горя дарит ей обручальное кольцо? – продолжала Маша. – Это он с горя сегодня утром выглядел таким радостным? А Юлька была такая счастливая потому, что Сашка заставляет её аборт делать?

Алла удивленно уставилась на Машу. Не ожидала от неё такого напора. Маша и сама от себя подобного не ожидала. Но злость на несправедливые Алкины обвинения придавала смелости и красноречия.

– А я видел вчера у Юльки кольцо, – сказал вдруг Славик.

– И я видел, – подтвердил Коля Сорокин.

– А я у Сашки кольцо видел, – добавил Витька Комаров.

– И я, – подхватил Яшка Постромин.

Маша облегченно и радостно вздохнула. Как хорошо получилось: и подругу защитила, и тайну не выдала. Ну, разве что ребята сами теперь догадаются...

– Так, они что, заявление подавать поехали? – догадался Дорогин.

– Понятия не имею, – ответила Маша. – Вообще-то они поехали в город потому, что у Юльки скоро день рождения.

– Итак, – заключил Комиссар. – Правду или нет говорила Андреева, подслушивали мы её разговор с Наташей в столовой, или нам просто некуда было деваться, неважно. Неважно, всем она говорила, или только одной подруге. Важно, что Андреева поступила очень нехорошо по отношению к Юле. Поэтому предлагаю её наказать. Давайте решать, что с ней делать.

– Предлагаю объявить устный выговор, – сказала Мила, на что Алла лишь презрительно хмыкнула.

– Исключить из комсомола, – предложил Нехорошков.

Все украдкой захихикали, а Алла усмехнулась:

– Больно нужен мне ваш комсомол!

– Давайте выгоним её из нашей группы! – сказал Коля Сорокин.

Алла зло взглянула на Колю, но Маша заметила, что в её глазах блеснули слёзы. Испугалась, что на самом деле выгонят.

– И вообще из института! – добавил Постромин. – Нечего на хороших людей наговаривать!

– Ну, если бы за сплетни из института выгоняли, у нас училось бы в три раза меньше народу, – сказал Комиссар и добавил: – Я предлагаю объявить Алле бойкот на неделю.

– Да мы и так после этого не будем с ней разговаривать, – ответил Дорогин.

– Я за бойкот, – сказала Маша.

– Я тоже, – добавил Метелев.

Все согласились с предложением Сергея, только Наташа промолчала.

Пока шло собрание, Лёшка молчал. Маша видела по выражению его лица, что он никак не может поверить своим ушам, тому, что Алла могла сказать такое про Юлю. Он был очень разочарован и огорчён тем, что Алла оказалась не такой хорошей, какой он её считал.

Когда высказались все, Лёшка подошел к Алле:

– Я за бойкот. Но, пока он не объявлен, хочу сказать, Алла, что до сегодняшнего дня я считал тебя хорошей подругой Маши и остальных девушек, и удивлялся, почему они все тебя недолюбливают. Сегодня ты показала своё истинное лицо. Мне очень больно оттого, что я ошибался в тебе. И теперь не только дружить, даже разговаривать с тобой не хочу. Я объявляю тебе бойкот не на неделю, а навсегда.

Он отвернулся и пошёл на свой ряд. Алла тоже была разочарована. Она надеялась, что, как обычно в небольших конфликтах, иногда возникавших в группе, Лёшка примет её сторону. Она, красная от стыда и злости, крикнула ему вслед:

– Да не больно ты мне и нужен! Инвалид!

В её тоне это слово прозвучало как самое худшее оскорбление. Лёшка быстро повернулся к Алле, поднял руку, словно хотел ударить. Она испугалась, повернулась и побежала. Лёшка не стал её догонять, отвернулся и пошёл в другую сторону. Маша на одно мгновение увидела его лицо. Оно было бледно, как гипсовая маска, на которой застыли боль и отчаяние. Машу вдруг охватил какой-то странный столбняк, она смотрела вслед Лёшке, и не двигалась с места. Остальные ребята тоже стояли, как в немой сцене, только Алла бежала к центру поля, а Лёшка шёл к его краю.

Первым опомнился Дорогин.

– Машка, что ты стоишь? Останови его! – крикнул он, а сам бросился за Алкой.

Он быстро догнал её, схватил за плечо и развернул лицом к себе. Алла выставила перед собой руки, защищаясь. Но у Валерки руки были длиннее. Он вlepил Алке пощечину, и сказал:

– Дрянь! – отпустил её и отошел.

Без всякой жалости Маша смотрела, как у Аллы от испуга подкосились ноги, она упала на колени и заплакала. Больше смотреть было не на что. Маша огляделась в поисках Лёшки, но он исчез.

Она побежала искать его. На рыхлой влажной земле картофельного поля отпечатались следы его сапог. Но на краю поля потерялись в траве. Маша вошла в лес наугад. Лёшка прошел здесь минуту назад, и она пошла за ним, ориентируясь по едва заметно колебавшимся веткам деревьев. Но и этот эфемерный ориентир исчез, едва порыв ветра тронул кроны деревьев. Маша позвала Лёшку, он не откликнулся. Она долго металась по лесу наугад, кричала. Но тщетно, он не отзывался.

Наконец Маша вышла к ручью и увидела его на берегу. Он лежал на траве вниз лицом. Маша бросилась к парню, взволнованно спрашивая:

– Лёшка, что с тобой? Ты упал? Что болит?

– Душа, – чуть слышно ответил он.

Маша подошла и села рядом. И сразу почувствовала, какая земля холодная.

– Лёшка, вставай, простудишься, – с беспокойством сказала Маша.

Он не отреагировал. Будто ему было безразлично, что с ним будет дальше.

– Лёша, вставай. Пойдём домой. Не расстраивайся. Алка уже получила своё. И за Юльку, и за тебя.

– Да хоть убейте её, мне не станет от этого легче! – резко ответил Лёшка.

– Лёша, встань, пожалуйста, я тебя очень прошу! – взмолилась Маша, чуть не плача.

Это подействовало: он встал. На его лице Маша увидела свежие царапины от острых веток. Резкое движение причинило боль, он тихо застонал, схватился за сердце и пошатнулся. Маша поспешила посадить его на поваленное дерево, сама села рядом, обняла:

– Успокойся, Алка не скажет тебе больше ни одного слова. А если попытается, я сама заткну ей рот.

– Мне достаточно того, что она уже сказала, – ответил Лёшка. – Ты не можешь себе представить, как это больно и унижительно чувствовать себя инвалидом, человеком второго сорта...

– Лёшка, никто не считает тебя инвалидом, – как можно убедительнее сказала Маша.

– Все считают, и ты тоже, просто никто не говорит в открытую, только и всего, – возразил он. – А Алла сказала. И самое ужасное то, что это правда, я – инвалид, кому я такой нужен?..

– Мне нужен, Лёшка, ты нужен мне. Я люблю тебя и хочу за тебя замуж, – быстро сказала Маша.

Сама не знала, как вырвались на свободу эти мысли, жившие в глубине души, и которые никогда не выпускала наружу. В сущности, брак не был для нее так уж важен. Её мама и папа жили в гражданском браке, и жили счастливо. Но какая девушка не мечтает о фате и белом платье. Только девушки обычно ждут предложения, а не предлагают себя сами. Маша смутилась. А еще снова больно кольнула в сердце заноза, и Маша спросила:

– Но, может быть, это я тебе не нужна? Некоторые девчонки считают, что если бы ты не был инвалидом, давно нашёл бы себе девушку получше меня...

– Ты... тоже так думаешь? – Лёшка посмотрел на Машу с такой болью в глазах, что она сразу пожалела о своих словах.

– Нет, конечно, нет, – ответила она.

– Ты очень нужна мне, – сказал Лёшка, не отводя глаз. – Я очень тебя люблю, и даже, не будь я инвалидом, не смог бы найти девушки лучше. И я тоже очень хотел бы, чтобы ты стала моей женой. Но... если со мной вдруг что-нибудь случится, и я снова окажусь в инвалидной коляске... Я не хочу, чтобы и ты была прикована к ней вместе со мной. Поэтому считаю, что тебе лучше оставаться свободной. Свободной от меня и моих недугов.

– Ты бы лучше спросил, хочу ли я этой свободы, – чуть обиженно проговорила Маша.

– Маша... но я на самом деле инвалид... – сказал Лёшка.

– Я знаю. Для меня это совершенно неважно.

Он хотел что-то возразить, но не успел: они услышали, что их зовут.

– Ребята ищут нас! – воскликнула Маша. – Ну-ка, встали! Ау, ребята! Мы здесь! – крикнула она.

Через минуту на берегу появился Комиссар, а за ним еще несколько парней.

– Лёшка, ты как? – озабоченно осведомился Сергей.

– Всё в порядке... почти, – ответил он.

*

Вечером приехали Юля и Саша. Они привезли торты, шампанское, конфеты, лимонад. Надо было видеть, как Сашка тащил на себе все это, а Юлька, счастливая, шла рядом с пустыми руками.

Маша встретила подругу на крыльце дома, в котором жили студенты.

– Ой, Машенька, мы так здорово провели время, – с восторгом рассказала Юля, едва они встретились. – В кино ходили, в кафе мороженое ели, я туфли на каблуках надевала, как белый человек... Сначала во Дворец Бракосочетаний сходили, заявление написали. После родителям позвонили, новость сообщили. А потом гуляли весь день по городу. Господи, хорошо-то как! Идешь по твёрдому асфальту, в грязи не вязнешь... Так бы и не уезжала. А тут у вас как дела?

– Да всё нормально, – Маша неопределенно пожала плечами.

– Ладно, пойду, приглашу всех на день рождения. Он послезавтра, но отпразднуем сегодня, потому что торты до послезавтра испортятся, – и Юля пошла в комнату ребят.

Там Саша готовил место для праздника. Ребята помогали сдвигать кровати к стенам и накрывать стол. Юля пригласила парней на день рождения и вышла из комнаты.

– Говоришь, ничего не случилось, а Лёшка почему-то бледный, и лицо расцарапано, – заметила она.

Маша снова неопределенно пожала плечами и ничего не ответила. Они вместе вошли в свою комнату.

К Юле сразу подошла Мила и тихо, в самое ухо, предупредила:

– С Алкой не разговаривай.

– Почему? – удивилась Юля, взглянув на Аллу, которая, как ни в чем ни бывало, лежала с книгой на кровати.

– За сплетни, – коротко пояснила Мила.

– Ладно, – согласилась Юля. – Не очень-то и хотелось. Девочки, пойдёмте мой день рождения праздновать.

Маша, Мила и Марина вместе с Юлей пошли в комнату ребят, а Наташа и Алла остались. Юля хотела вернуться и позвать их, Марина остановила:

– Не надо. Пусть там сидят.

В разгар застолья Юля объявила:

– Ребята, ровно через месяц мы приглашаем всех на нашу свадьбу.

– Поздравляем! – закричали ребята. – Поздравляем!

Жених и невеста не поняли, почему ребята не удивились этой новости, и Юля шепотом спросила у Маши:

– Ты что, рассказала им?

– Нет, сами догадались, – с чистой совестью ответила та.

– Маша, Лёшка, а вас мы приглашаем быть нашими свидетелями, – добавил Саша. – Согласны?

Маша переглянулась с Лёшкой, он чуть заметно кивнул, и они в один голос ответили:

– Согласны.

Юля и Саша вручили каждому приглашение на свадьбу. В руках у Юли остались две открытки, так как Аллы и Наташи на празднике не было. Наташа отказалась бойкотировать Аллу, и ей пришлось разделить участь подруги.

– Схожу, отдам, – Юля хотела выйти из комнаты, но Постромин преградил дорогу.

– Не приглашай их, – сказал он.

– Почему? – удивилась она. – Объясните, в чем дело?

Ребята мялись, опускали глаза, но ничего не говорили. Маша взяла Юлю за руку, увела на кухню, и там рассказала, что сегодня произошло.

Юля нахмурилась было, но потом сказала:

– А я всё равно приглашу их. И пусть Алке будет стыдно.

Юля отнесла приглашения Алле и Наташе, и вместе с Машей вернулась в комнату. Ребята отодвинули стол в сторону, включили музыку и начали танцевать. Только Маша и Лёшка не танцевали: после сегодняшней сцены в поле у Лёшки болело сердце, и он хотел отдохнуть. Они сидели рядом и молчали. Лёшка был задумчив, и старался не смотреть на счастливых жениха и невесту.

– Лёш, о чем грустишь? – спросила Маша, нарушив молчание.

– Маша, а ты... не пожалеешь, если выйдешь за меня замуж? – осторожно спросил он вместо ответа.

– Почему я должна пожалеть? – спросила Маша удивленно.

Она была уверена, что Лёшка не станет продолжать тот разговор, начатый в лесу на берегу ручья.

– Потому что ничего не могу делать по дому, не смогу помогать тебе ни в чём...

– Как это не сможешь? – лукаво улыбнулась Маша. – Ты отлично готовишь, вот мы и возложим на тебя эту обязанность. Кстати, посуду мыть тоже не нужно больших физических

усилий... А забивать гвозди в стены и двигать мебель я сама умею, с двенадцати лет этим занимаюсь... А если серьёзно, тебе ничего не надо делать. Тебе надо любить меня, и все.

– Я... я порой бываю беспомощным, как ребёнок, – продолжал Лёшка перечислять свои недостатки. – И капризным, как принцесса.

– Я люблю тебя и за это.

– Ты на самом деле... меня любишь, или ты со мной только из жалости... к бедному инвалиду?

Маша хотела обидеться за эти слова, но передумала.

– Скажи, пожалуйста, с какой стати я стала бы отдаваться тебе из жалости, – тихо ответила она, усмехнувшись.

– Прости, – смущенно сказал Лёшка и добавил после нескольких мгновений молчания:

– Но... у нас может, никогда не будет детей...

Голос дрогнул, когда он говорил это.

– Глупости! – возмутилась Маша. – Почему ты так думаешь?

– Мы с тобой... вместе уже год, и ты... давно могла бы забеременеть, – ответил Лёшка.

– Но этого не случилось... Может, когда я попал под комбайн, у меня и там что-нибудь повредилось...

– Ерунда, – уверенно заявила Маша. – У нас обязательно будет ребёнок. Ну, а если почему-либо не будет, малыша усыновим. Или удочерим... Тоже мне, проблема.

– Значит, не пожалеешь?

– Конечно, нет. Но мне никто замуж и не предлагал.

– А теперь я предлагаю, – волнуясь, проговорил Лёшка. – Маша, я прошу тебя... стать моей женой. Ты... согласна?

– Да, – ответила Маша счастливым голосом.

Вечер закончился поздно. Когда Маша, Юля, Мила и Марина пришли в свою комнату, Алла и Наташа спали. Или делали вид, что спят.

Маша поспешила поделиться новостью с подругой:

– Юль, а мы с Лёшкой тоже скоро поженимся.

– Ой, как здорово! Ты теперь тоже невеста! – обрадовалась та. – Я тебя поздравляю!

Когда вы решили?

– Только что, – ответила Маша. – Юль, а вы с Сашкой будете нашими свидетелями?

– Ну конечно будем, Машенька!

Девушки легли, но еще долго не спали, рассказывая друг другу о своих женихах.

А утром снова вставать, идти в поле... Маше оно так надоело, что она исподволь искала какой-нибудь предлог, чтобы остаться дома. А как хотелось хоть на часок оказаться в городе! И чтобы под ногами твёрдый асфальт, а не скользкая грязь, и ноги чтоб не в бесформенных резиновых сапогах, а в красивых туфельках на шпильках...

Утро было тихое и яркое от желтых листьев. День обещал быть теплым и солнечным – кажется, первый погожий день в этом сентябре.

На крыльце столовой Лёшка подошел к Комиссару.

– Сереж, нам с Машей нужно сейчас уехать в город. Вечером вернёмся.

– Зачем? – спросил Сергей. – У Маши день рождения в январе... – тут он о чем-то догадался, и добавил: – А, ладно, поезжайте...

*

Маша и Лёшка вышли из Дворца Бракосочетаний. Сбылась её мечта: она идет по твердому асфальту в туфлях. И не только в туфлях, а в красивом платье и модном плаще.

– Куда теперь? – спросил Лёшка.

– На почту, сообщим новость моей маме, – ответила Маша.

– Вот она удивится, наверное, – улыбнулся Лёшка.

– А я думаю, как раз нет, – возразила Маша.

Они зашли на почту, отправили телеграмму и вышли на улицу.

– Погуляем? – предложил Лёшка, и они, обнявшись, пошли по улице.

На углу у гастронома Лёшка остановился.

– Подожди минуточку, – попросил он, отпустил Машу и подошел к бабкам, продававшим цветы у дверей магазина.

Он достал деньги, и бабки наперебой начали предлагать товар. Лёшка выбрал самые красивые астры, расплатился и пошёл обратно к Маше, но тут из дверей магазина вышла молодая женщина с ребёнком на руках и авоськой, висящей на локте.

Маша узнала Эллу.

Элла сразу увидела Лёшку, поставила девочку на асфальт, строго сказала ей: «Стой здесь» и подбежала к Лёшке.

– Здравствуй, Алёша! – радостно улыбаясь, сказала она.

– Здравствуй, Элла, – сдержанно ответил он.

– А я только вчера о тебе вспоминала! – добавила Элла всё тем же радостным тоном.

Лёшка не ответил.

Маша стояла поодаль, наблюдая за ним, Эллой и ребёнком. Пожалуй, сейчас девушка выглядела не так впечатляюще, как в Новогоднюю ночь, и когда приходила во двор Лёшкиного дома, надеясь на встречу с ним. Сейчас на ней был вышедший из моды плащ, и туфли со сбитыми каблуками. И ребёнок одет в застиранный комбинезончик, который явно мал. Лица дочери Эллы Маша не видела – девочка стояла к ней спиной.

Маша поняла, что Лёшке очень хочется уйти. Он даже попытался, шагнув в сторону, но Элла тоже сделала шаг в сторону, не дав ему обойти её.

– Что же ты молчишь, Лёша? – Элла смотрела на него широко открытыми глазами.

Даже в такой неказистой одежде она всё равно выглядела очень красивой.

Лёшкин взгляд остался равнодушным.

– Мне просто нечего сказать, – ответил он, перебирая в руках цветы.

– Ты... ты мог бы спросить, как у меня дела, – подсказала Элла.

– Как дела, Элла? – без всякого интереса спросил Лёшка.

– Сначала ты расскажи, – ответила она.

– У меня всё в порядке, – лаконично ответил он.

– А я, знаешь... развелась со Стасом, – сообщила Элла. – Недавно, в августе... Он стал просто невыносим. Все деньги пропивал, с работы его выгнали, машину разбил, пришлось продать на запчасти за копейки. Так я этих денег даже не видела... Теперь живу у мамы... Может, зайдёшь как-нибудь в гости?.. Познакомлю тебя с дочкой. А хочешь, прямо сейчас познакомлю? Алиса чудная девочка, она тебе понравится. Ей уже годик, и она уже умеет ходить и говорить немного...

Элла оглянулась на ребёнка, но девочки не было там, где она её поставила.

– Алиса! – встревожено воскликнула Элла. – Алиса, ты где?

Она беспомощно оглядывалась по сторонам.

Маша выпустила ребёнка из поля зрения, пока разглядывала Эллу, и теперь тоже стала искать его и увидела девочку довольно далеко от магазина. Малышка деловито шагала к перекрестку, и пока Маша добежала до неё, уже ступила на проезжую часть, а из-за угла выворачивал огромный грузовик. Вряд ли водитель с высоты кабины видел такую маленькую девочку.

Маша схватила малышку на руки и увидела её личико. У Алисы были зеленые глаза и золотистые волосы, как у Эллы, но дочь больше ничем не походила на мать. Она была такая хорошенькая, просто куколка. Маша не удержалась, и поцеловала её в щеку. Девочка улыбнулась, и стала еще симпатичнее. Алиса так понравилась Маше, что она сразу решила: «У нас с Лёшкой тоже будет такая милая дочка».

– Никогда не убегай от мамы, солнышко, – ласково сказала Маша девочке и подошла к Лёшке и Элле, которая уже чуть не плакала.

– О, спасибо, спасибо! – воскликнула Элла, бросаясь к Маше и Алисе. – Вы спасли мою дочь!..

Принимая ребёнка из рук Маши, Элла узнала спасительницу.

– Маша? Ты?

– Здравствуй, Элла, – сказала Маша.

– Но как... откуда ты здесь? – удивилась Элла. – Все студенты должны сейчас быть в колхозе, на «картошке»... Или ты бросила учёбу?

– Мы приехали из колхоза на один день... по делам, – ответила Маша, удивившись, что Элла еще помнит, что девушка, которая должна была стать свидетельницей на её несостоявшейся свадьбе с Лёшкой, студентка.

– Лёша, и ты тоже на «картошке»? – удивилась Элла. – Разве тебе можно?

– Можно, если осторожно, – с чуть заметной усмешкой ответил он.

– Так ты совсем поправился, да? – глаза Эллы засветились еще радостнее, чем когда они только встретились. – А то мне Маша говорила, что тебе никакой физической работы делать нельзя.

– Это правда, – кивнул Лёшка.

– А что же тогда ты делаешь в колхозе? – удивилась Элла.

– Что я там делаю, тебе знать неинтересно, – Лёшка снова усмехнулся. – Впрочем, как и то, что мы с Машей делаем здесь.

– Ну почему же, мне очень интересно, – возразила Элла.

– Что ж, если интересно, скажу, – Лёшка улыбнулся. – В колхозе я занимаюсь тем, что поднимаю с земли и кладу в ведро картошку. Поднимаю и кладу, поднимаю и кладу. А что касается того, что мы с Машей делаем здесь... – Лёшкин тон стал серьёзным. – Мы ходили подавать заявление в ЗАГС. Ты знакома с Машей, но я хочу познакомить тебя с ней еще раз. Знакомься, Элла. Маша Веселова, моя невеста.

*

– Маш, да не волнуйся ты, – сказала Юля, причёсывая подругу. – Он не опоздает. Все будет о'кей... Дай еще две шпильки...

Маша протянула их.

– Отлично. Теперь фату.

– Юль, может, рано еще, а? Я её потом надену, когда он приедет, – сказала Маша, держа фату на коленях.

Она сидела на стуле посреди комнаты в общежитии в белом свадебном платье, а Юля делала ей причёску и макияж.

– Ничего не рано, – Юля взяла фату, укрепила на голове Маши и хотела поднести зеркало, но в этот момент в комнату без стука вбежали нарядные Мила и Марина.

– Приехали! – возбужденно воскликнула Мила. – Лёшка из машины вышел, ну как кино-артист, просто глаз не отвести, такой красивый!

Девушки до сего момента находились в комнате напротив, дежурили у окна, чтобы сразу предупредить Машу, когда приедет жених.

– Ой, а у нас еще ничего не готово! – она вскочила со стула, и повернулась к Миле и Марине.

– Не волнуйся, всё готово, у нас занавески на каждом этаже... – сообщила Марина и хотела еще что-то добавить, но, увидев Машу, сказала совсем другое, удивленно-восхищенным тоном: – Машка, ты настоящая красавица!

Маша смутилась, а Юля, наконец, подставила зеркало, и она не поверила, что видит себя, так ей понравилось отражение. Глаза блестят, на щеках легкий румянец, макияж неброский, но отлично подчеркивает цвет глаз и форму губ. Молодец, Юлька, постаралась.

– Спасибо, Юлечка, – поблагодарила подругу Маша.

– Долг платежом красен, – ответила Юля и добавила: – Ладно, Маш, побудь тут, а нам пора.

– Юль, вы там... не очень их задерживайте, – проговорила Маша с волнением.

– Не беспокойся, Маш, – улыбнулась Юля. – Он пройдёт.

– Что ты заладила: не волнуйся, не беспокойся... – проворчала Маша. – А ты что, не волновалась перед своей свадьбой?

Свадьба Юли Баринцевой и Саши Зубова состоялась неделю назад. Юля пошла в парикмахерскую, чтобы сделать праздничную причёску, а вернулась, едва не плача: причёска не понравилась, потому что с ней Юля выглядела лет на пять старше. Пришлось Маше срочно всё переделывать, Юля осталась довольна и пообещала ей на свадьбу так же красиво причесать. Маша и Лёшка были свидетелями на свадьбе Юли и Саши. Маша боялась, что у неё не получится быть свидетельницей, но всё прошло очень хорошо, праздник всем понравился.

– Ну... волновалась, конечно, – ответила Юля.

– Юль, идём скорее, – Мила потянула её к двери.

– Извини, Машенька, мы тебя закроем, – сказала Марина, захлопнула дверь и повернула в замке ключ.

Маша осталась одна в комнате, когда подруги вышли, чтобы встретить жениха и его друзей. Она так и стояла посреди комнаты, то краснея, то бледнея от волнения, и прислушиваясь к шумам, доносившимся из-за двери.

Наконец голоса, смех, топот ног стали слышны совсем близко. Маша услышала, как Юля за дверь сказала:

– Поставь сюда самое дорогое, что у тебя есть, тогда сможешь зайти в эту комнату.

– Я не могу поставить сюда самое дорогое, что у меня есть, – услышала Маша Лёшкин голос. – Потому что самое дорогое, что у меня есть, находится за этой дверью.

Правильным ответом было самому встать на платочек, расстеленный перед дверью, но Юля сказала:

– И это верно!

За дверь послышался звон ключей. Маша знала, что по сценарию Юля подала Лёшке огромную связку ключей, из которых он должен был выбрать один. Вчера Маша предупредила его про это испытание, и хотела подсказать, какой ключ выбрать, но он остановил, заверив, что не ошибётся.

На свадьбе Зубовых заключительное испытание было другим. Девушки положили ключ от комнаты в трёхлитровую банку с яблочным соком. Саше надо было выпить весь сок, чтобы достать ключ. Тот растерялся, но его выручил Лёшка. «А ну-ка, ребята, поможем жениху!» – сказал он, все друзья жениха сделали по глотку из банки, и она опустела за пару минут. Даже еще не всем досталось.

Звон ключей продолжался недолго. Вскоре дверь распахнулась, и вошел Лёшка. За ним в дверях Маша увидела Сергея, Сашу, Юлю и толпу однокурсников. Она надеялась, что увидит и золотавинских подруг, но они не приехали. А, увидев Лёшку, Маша забыла обо всём.

Юля тихонько прикрыла дверь, оставив невесту и жениха наедине.

Лёшка подошёл, молча взял Машу за руки. Он смотрел на неё так, что она почувствовала себя красавицей. А он был неотразим в светло-сером костюме-тройке и белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой.

Несколько минут они стояли, не в силах отвести глаз друг от друга. Потом дверь приоткрылась, заглянула Юля:

– Ну, что, налюбовались друг другом? Нет? Ладно, еще успеете, у вас вся жизнь впереди. Пора ехать во Дворец Бракосочетаний.

Во Дворце Машу, Лёшку, свидетелей и друзей встретили Лёшкины родители, Машина мама и другие родственники жениха и невесты.

– Мам, почему девчонки не приехали? – спросила Маша.

– Лена неделю назад уехала по путевке в Болгарию. Не могла же она отменить поездку, путевку купила еще до того, как девочки узнали про твою свадьбу, – объяснила мама. – Таня не смогла поехать, у нее мама заболела. Она очень расстроилась, что не сможет присутствовать на твоём бракосочетании. Оля собиралась, но накануне со своим парнем опять поссорилась, и сказала, что без него не поедет. Но ты не расстраивайся, я привезла поздравления от всех троих, и подарки от Тани и Оли. А Лена пообещала привезти подарок из Болгарии.

– Ладно, передавай им привет, когда вернёшься, – вздохнула Маша.

На торжественной записи Маша так волновалась, что почти ничего не запомнила из того, что там происходило, кроме того, что сказала «Да», и услышала, как Лёшка уверенно сказал «Да», они надели друг другу кольца, расписались в каком-то журнале, им разрешили поцеловаться и вручили свидетельство о браке.

Так, в конце октября тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года Лёшка и Маша стали мужем и женой.

После ЗАГСа они катались по городу со звоном свадебного колокольчика, по традиции заехали положить цветы к Вечному огню. А потом начался праздничный вечер в студенческом кафе «Калейдоскоп», в двух шагах от общежития.

В разгар вечера, во время танцев, Маша заметила, что Сергей не танцует. Лёшку пригласила на танец его мама, и Маша подошла к Сергею. Он сидел у бара на высоком табурете, но не пил. Маша видела, что ему с трудом удается казаться веселым.

– Серёжа, почему ты пришёл на свадьбу без своей девушки? – спросила она. – И, пожалуйста, не отпирайся, она у тебя есть, мне давно доложили.

– Она руку недавно сломала, – ответил Сергей. – И сама не захотела идти на торжество с гипсом.

– А, понятно, – кивнула Маша, и хотела отойти, но Сергей задержал:

– Маша, скажи, ты счастлива?

– Да, очень, – искренне ответила она. – И хочу, чтобы ты был таким же счастливым, как я сейчас.

– Обязательно буду, – пообещал Сергей с грустной улыбкой. – Когда-нибудь. А тебе, если вдруг понадобится моя помощь... что бы ни случилось... только позови.

– Непременно, – кивнула Маша.

Вечер еще продолжался, когда новоиспеченные супруги сбежали из кафе и поехали домой на такси.

Машина быстро летела по пустынным улицам города, огни фонарей проносились мимо, словно звезды. Лёшка обнимал Машу, и его голова лежала у нее на плече. Ей хотелось, чтобы этот полет через холодную октябрьскую ночь продолжался как можно дольше. Но он закончился, и они вышли из машины во дворе Лёшкиного дома.

– Счастливой брачной ночи, – сказал таксист, и не взял с них денег.

*

Маша проснулась в шесть утра, будто кто-то толкнул. Открыв глаза, взглянула на лежавшего рядом мужа. Он спал, закинув правую руку за голову. А на безымянном пальце в едва забрезжившем утреннем свете блестело обручальное колечко. Они поженились полгода назад, но новизна ощущений от супружества еще не поблела. Маше нравилось видеть кольцо у Лёшки на пальце. И у себя тоже.

Но она не стала любоваться кольцами, соображая, что её разбудило. Ага, поняла. Лёшкино дыхание. Не глубокое и ровное, как обычно, а поверхностное и затрудненное. Маша осторожно положила руку на его лоб. Лоб был горячий. Наверное, простыл в дороге. Апрель такой обманчивый месяц! Маша чуть не заплакала от обиды.

Вчера вечером Павел Кузьмич привёз Машу и Лёшку в Золотавино на свадьбу Тани Юшиной и Максима Широкова, которая состоится сегодня. В машине было жарко, и Лёшка открыл окно. И, пожалуйста, все вытекающие отсюда последствия. Теперь вместо того, чтобы веселиться на свадьбе подружки, придётся сидеть дома и лечить мужа.

– Маша, ты не спишь? – он тоже проснулся. – Уже пора вставать, да?

– Нет. Еще рано. А тебе вставать сегодня не и придётся.

– Почему? – Лёшка приподнялся, но закашлялся и сразу почувствовал, что кружится голова, а пульс в висках отдается болью. – Да, кажется, ты права... не надо было открывать окно в машине...

– Пойду, вскипячу молоко, – Маша встала, накинула халат, и отправилась на кухню.

В гостиной на диване спал Павел Кузьмич. Мамина кровать стояла в маленьком закутке за печкой.

Маша согрела молоко и вернулась к Лёшке.

– Маш, прости, – виновато сказал он.

– За что?

– За то, что опять заболел не вовремя.

– Прощаю, – Маша улыбнулась.

В конце концов, провести время вдвоём с Лёшкой вместо шумного пьяного застолья не так уж плохо.

– Может, к вечеру мне станет лучше, – с надеждой сказал он.

– Обязательно станет. Но вечером мы никуда не идём.

– Нет, Машенька, это я никуда не иду. А ты идёшь на свадьбу Тани.

– Одна?

– Ты будешь не одна, а с подружками.

– А ты?

– За меня не беспокойся. Со мной будут папа и твоя мама.

– Я схожу только на выкуп невесты и на запись, – пообещала Маша.

*

Запись была назначена на одиннадцать часов, но Маша пришла к Тане раньше, чтобы помочь одеться и причесаться.

– Машка, как хорошо, что ты приехала! – обрадовалась Таня. – Ты одна или с мужем?

– С мужем, но он заболел, поэтому я буду одна, и только на выкупе и на записи, – ответила Маша.

– А что с ним? – спросила Таня.

– Простудился в дороге.

– А-а... ну так давай я ему укол пенициллина сделаю. К вечеру будет здоров, – предложила Таня.

– Спасибо. Лёшке нельзя пенициллин, – ответила Маша.

Подруга хотела спросить, почему нельзя, но не успела: пришли Лена с Олей и еще несколько подруг.

– Танька, собирайся, – с порога приказала Лена, она – свидетельница. – Скоро жених приедет.

И девушки принялись готовиться к выкупу невесты. Маша помогала Тане одеваться и делать причёску, Лена, Оля, и остальные девушки ставили «заслоны» на пути жениха и его друзей.

Чем ближе подходило время бракосочетания, тем больше волновалась Таня. Маша вспомнила, что тоже безумно волновалась в день своей свадьбы. Но она всё равно успокаивала подругу.

– Танечка, не волнуйся, теперь Максим обязательно на тебе женится.

– Я не сомневаюсь, Маша, просто я боюсь, – призналась Таня.

– Чего ты боишься?

– Брачной ночи, – чуть слышно шепнула Таня.

– Не волнуйся, всё будет хорошо, – успокоила её Маша.

– Танька!! Едут!!! – не своим голосом завопила Оля, выглянув в окно.

– Ой! – вскрикнула Таня и побежала за занавеску прятаться.

Выкупали невесту очень весело, потом на нескольких машинах поехали на торжественную запись в село, которая состоялась в районном Доме Культуры.

Оля пришла на свадьбу Тани и Максима с Лёшкой Кочергиным, а Лена с очередным другом Вадимом.

– Оля, а что, Ленка с Андреем уже не дружит? – тихо спросила Маша во время записи.

– Какое там! – махнула рукой Оля. – У нее после Андрея уже и Коля был, и Серёжа, и еще кто-то, я всех даже не помню. Она кавалеров меняет, как перчатки, всё никак лучше Володьки не найдёт...

Бракосочетание прошло хорошо, только Таня так волновалась, что у нее сорвался голос, когда она говорила «Да».

Так, в конце апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года Максим и Таня стали мужем и женой.

Запись закончилась, гости стали по очереди поздравлять молодоженов. Подошла и очередь Маши.

– Танечка, Максим, поздравляю, – сказала Маша. – Будьте всегда такими радостными и счастливыми, как сейчас.

– Маш, приходи на вечер, пожалуйста, – попросила Таня.

– Танюш, извини, не могу.

– Ну, Машка, когда мы еще теперь увидимся!

– Скоро, – ответила Маша. – Мы приедем летом, я приду на встречу выпускников. В этом году пять лет окончания школы, и я ни за что не пропущу это событие.

После торжественного бракосочетания по традиции молодожены поехали кататься, а Маша поспешила домой, в Золотавино, где её ждал любимый муж.

ГЛАВА 2. ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ

Июнь 1985 г.

В конце июня, сдав последний экзамен за четвёртый курс, Маша и Лёшка поехали в гости в Золотавино.

На следующий день после приезда Маша с самого утра начала собираться на встречу выпускников, назначенную на пять часов вечера.

– Лёш, ты пойдёшь со мной? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Вспомни нашу поездку в Москву, к моим бывшим однокурсникам. Я лучше останусь дома.

– Ладно, не буду настаивать, – согласилась Маша, понимая, что Лёшка прав. – Ты тут не скучай, а я постараюсь не задерживаться долго.

*

За те два года, что одноклассники не виделись, многое изменилось. Почти все Машины одноклассницы вышли замуж, а одноклассники женились. Многие принесли свадебные фото. Маша ни разу не видела столько свадебных фотографий сразу. Она показала и свои, и девчонки шумно восхищались, какой красавчик у неё муж, а Оля сказала с ноткой зависти в голосе:

– А я всегда говорила, что Машке достанется такой парень, какой нам и не снился.

– Разве твой Лёшка Кочергин не красавец? – спросила Маша.

– Ну, по сравнению с твоим... – протянула Оля и добавила: – Да я всё время сомневаюсь, что он мой. У него в каждой деревне по девчонке.

У некоторых Машиных одноклассников уже появились дети, и их фотографии тоже ходили по рукам. Хорошенькому сыну Наташи и Володи Рукавишниковых Светику был год и три месяца, сыну Славы Игошина – год, а дочке Марины Макеевой и сыну Оли Шишкиной – по полгода.

Таня с Максимом поженились чуть больше двух месяцев назад, но Таня по секрету сообщила Маше, что уже беременна.

Машу удивило, что Таня вовсе не выглядела счастливой, хотя муж почти не отходил от нее, и нежно обнимал за талию.

– Ну что, ты расскажешь, как у вас с Максимом это происходит? – полушутливо-полусерьёзно спросила Маша у Тани, когда Максим на минутку отошёл, чтобы принести девушкам по стакану лимонада из «буфета», устроенного на краю поляны активистами класса.

– Ты сама знаешь, как, – смутилась Таня. – Зачем рассказывать?

Маша не ожидала, что подруга так смутится, и не стала упрашивать. К тому же, у Тани, похоже, не было настроения разговаривать на интимные темы. Маша не сомневалась, что именно так и будет.

Марина Макеева, кстати, тоже вышедшая замуж, и уже не Макеева, а Макурова, как обычно, вела встречу, и, когда все вдоволь наговорились друг с другом и рассказали большинство новостей, попросила откопать бутылку и стала зачитывать записки двухлетней давности.

Рукавишников написал: «У меня будет двое детей и свой дом».

Дом он на самом деле построил.

– А ребёнок-то у тебя один! – закричали ребята.

– А второй у него на стороне, – съязвила Ленка Золотавина, одна из немногих девушек в классе, оставшихся незамужними.

Володя даже не взглянул на Лену, а сказал, похлопав Наташу по пока что плоскому животу:

– Второй пока тут! Ему уже три месяца.

– И кого планируете? – поинтересовалась Марина.

– Конечно, девочку, – счастливым голосом ответила будущая мама. – Но и мальчику будем рады.

Материнство пошло ей на пользу – Наташа стала настоящей красавицей, и могла поспорить красотой даже с Леной, первой красавицей класса. Но сейчас внешность Лены очень портило недовольное выражение лица, будто она обижена на весь свет.

Её записку Марина в этот раз не успела прочитать, Лена выхватила листок у Марины из рук, едва та успела развернуть его и прочитать фамилию, разорвала на мелкие кусочки и бросила в костер. Сказала:

– То, чего я желала два года назад, было глупостью, и я даже рада, что это не исполнилось.

А Олег Макаров опять всех насмешил. В его записке снова было написано: «Хочу стать директором».

– Ну, твоя мечта, наконец, сбылась? – спросила Марина.

– Еще нет, но всё к этому идёт, – ответил Олег, как на прошлой встрече.

– Что же ты сделал, чтобы приблизить свою мечту? – спросила Марина. – Приобрёл кожаный портфель?

– Нет, дипломат. Портфели нынче не в моде.

– Дипломат дипломатом, но кем ты сейчас работаешь?

– Бригадир бригады строителей, – ответил Олег, чем еще больше насмешил одноклассников.

– Ха-ха! Еще через два года ты станешь мастером участка, через пять лет – прорабом! Сколько лет понадобится, чтобы дорасти до директора?

Олег смеялся вместе со всеми, а потом шутливо ответил:

– Вот когда соберёмся здесь на двадцатилетие окончания школы, я приеду на эту встречу уже директором.

Таня написала: «Поступлю в мединститут».

Но никуда не поступила, продолжая работать медсестрой в Лебяжской поликлинике. Зато мечта, о которой она не написала в записке, сбылась: Таня вышла замуж за Максима. Кто-то, а уж Маша-то знала, что именно это было её заветной мечтой.

«Женюсь и построю дом», – написано было в записке Максима. И в самом деле, он женился, и начал строить дом.

– Маша Веселова. «Хочу стать счастливой», – прочитала Марина записку Маши. – Ну, у Маши, как всегда, самая оригинальная мечта. Прокомментируй, пожалуйста. Твоя мечта сбылась?

– Абсолютно, – ответила Маша.

– А расскажи нам, Маша, как чувствует себя абсолютно счастливый человек?

– Прекрасно.

– Так открой нам секрет своего счастья.

– Никакого секрета нет. Просто я люблю мужа, и уверена, что он меня тоже любит.

– Разве можно быть абсолютно уверенным в чувствах другого человека? – удивилась Марина.

– Не знаю, – ответила Маша. – Но в нашем случае можно.

Марина затеяла целую дискуссию на тему «Что такое счастье». Большинство одноклассников считали, что одной взаимной любви для счастья недостаточно. Чтобы быть абсолютно счастливым, говорили они, надо иметь много денег, отдельную квартиру или собственный дом, машину. Маша ничего этого не имела, поэтому в её абсолютное счастье мало кто поверил. Она и не пыталась доказывать. Каждый понимает счастье по-своему. Конечно, Маше хотелось иметь и отдельную квартиру, и машину, и много денег. Но она понимала, что хотеть всё и сразу

– глупо. Всё это – второстепенно, считала Маша. А потому наслаждалась тем, что имела, считая, что любить и быть любимой – это уже немало.

Олино сочинение на тему: «Чего я мечтаю добиться за два года» тоже позабавило всех. А она обиделась. Наверное, потому, что почти ничего, о чем написала, не сбылось. А мечтала она о многом: съездить за границу, получить квартиру в Лебяжьем, стать старшим продавцом секции магазина, в которой работала, купить видеомэгагнофон, золотые часы и серёжки с бриллиантами, выйти замуж, а жених чтобы был непременно богатый и с машиной.

Ирина, в прошлом Дуракова, потом Шмырова, потом Желвакова, написала, что мечтает выйти замуж по любви.

– Ну, и как? Вышла? – спросила Марина.

– Ага. Даже два раза, – усмехнувшись, ответила Ирина. – И оба раза думала, что по любви. А оказалось, опять просто меняла фамилию. Я теперь Бабкина.

Когда все записки были прочитаны, одноклассники снова написали на листочках, о чем мечтают. Даже Оля написала, хотя и ворчала, что никогда больше не будет ничего писать, и что это глупая и дурацкая затея. Записки сложили в бутылку и закопали теперь уже на пять лет, чтобы открыть на десятилетии окончания школы.

Когда Максим ненадолго отошел от Тани, чтобы поговорить с друзьями, она подошла к Маше:

– Маш, я тебе так завидую!

– Почему же? – удивилась она. – Ты добилась, чего хотела, вышла замуж за Максима.

– Да, я счастлива, – бесцветным голосом проговорила Таня. – Но я всё равно тебе завидую.

– Тань, ты меня удивляешь. Ты же должна быть вдвойне счастлива. У тебя скоро будет ребёнок от любимого человека. А я всё еще не беременна... Что с тобой, подруга? Может, ты всё-таки несчастлива? Может, тебе только казалось, что ты влюблена в Максима?

– Маш, я уже ничего не знаю! – растерянно проговорила Таня. – Я запуталась... У меня всё не так, как хотелось... Я не уверена, что люблю Макса, и не уверена, что он любит меня...

– Тогда зачем выходила за него?

– Не знаю... наверное, потому, что очень долго об этом мечтала...

– А почему ты не уверена в том, что Максим тебя любит? Если бы не любил, не женился бы на тебе, верно?

– Да он женился на мне потому, что пора было жениться, – махнула рукой Таня. – Родители ему сказали, что помогут дом построить, когда он женится. Ну, он и предложил мне замуж, а я, дура, согласилась...

– Тань, ну почему сразу дура-то? – удивилась Маша. – Вы оба такие счастливые были на свадьбе...

– Помнишь, ты говорила, это будет здорово? – спросила Таня вместо ответа. – И Оля говорила, что ей нравится, и Ленка тоже. А я... да мне противно до тошноты! Почему я не чувствую того, что чувствуете ты, Оля и Ленка? Может, я больная какая, или дефективная?

Таня с трудом сдержала слезы. Подошел Максим, и она поспешно отвернулась, будто разглядывая что-то в кустах.

– Иди, погуляй еще, у нас женский разговор, – Маша оттолкнула Максима.

– Машка, почему ты не привела своего мужа? Хотелось бы с ним познакомиться, – сказал Максим, не торопясь уходить. – Танюшка мне все уши прожужжала.

– Ой, не ври, я сама его два раза всего видела! – взъелась Таня.

– А знаете что? Приходите завтра к нам в гости. Познакомьтесь с моим мужем. Устроим небольшой пикничок в лугах, а? – предложила Маша. – А сейчас, Макс, сделай милость, иди, погуляй, дай посекретничать с подружкой!

– Танюсик, неужели у тебя есть от меня тайны? – шутливо спросил Максим, пытаясь заглянуть Тане в лицо.

Та смутилась, ничего не ответила и снова отвернулась от Максима. Маша пришла на выручку:

– У неё, может, и нет, а у меня есть, – и она снова оттолкнула Максима.

Он отошел и присоединился к группе ребят, собравшихся на другом краю поляны.

Маша с Таней продолжили беседу.

– Наверное, зря я такая любопытная, – вздохнула Таня. – Не надо было выпрашивать у вас, как это происходит. Ничего не знала бы, и думала бы, что так и должно быть. Я ожидала другого... Макс всегда был такой вежливый, нежный, ласковый... Мне всегда нравилось целоваться с ним. А тут он как с цепи сорвался. Кинулся раздевать меня, даже свет не выключил. Ну, естественно, я не позволила при свете. Мы чуть не поругались, потому что он не хотел выключать... Но всё-таки, в конце концов, выключил, когда я чуть не заплакала. А потом мне было противно и очень больно. Я целую неделю потом не давала ему ко мне прикасаться. Он обиделся, мы опять чуть не поссорились... Пришлось разрешить, чтоб не ссориться больше. А сегодня утром я поняла, что беременна. И обрадовалась, представляешь, не тому, что у меня будет ребёнок, а тому, что теперь можно не спать с Максом.

– Так он еще не знает, что ты беременна?

– Нет. Я тебе первой сказала. Но вечером и ему скажу: «Извини, дорогой, но мне больше нельзя. Я беременна».

Маша на минуту задумалась. Она жалела подругу, и хотела помочь. Но как?..

– Скажи, Машка, только честно: тебе правда нравятся интимные отношения, или ты, Ольга и Ленка все врётё? – после недолгого молчания спросила Таня.

– Мне правда это нравится, – ответила Маша. – И я не могу понять, почему не нравится тебе. Может, потому, что у вас всё происходит слишком быстро? Сколько времени вы тратите на это?

– Ну, минут десять, – пожала плечами Таня. – А по мне, так чем быстрее, тем лучше. А вы сколько?

– Часа полтора – два примерно.

– Два часа? – изумилась Таня. – Что вы делаете так долго?

– Ну, как что?.. Целуемся, ласкаем друг друга, смотрим друг на друга...

– Так вы что, свет не выключаете?! – еще больше изумилась Таня. – Ты разве не стесняешься?

– Конечно нет. Лёшка же мой муж, а не какой-то чужой мужчина. Мы даже днём иногда этим занимаемся, если очень хочется.

– Но это неприлично...

– Танька, ты же не стесняешься раздеваться на пляже почти донага! – воскликнула Маша. – Где полно незнакомых мужчин. А раздеться перед собственным мужем стесняешься, когда вы одни!

– На пляже я раздеваюсь не донага! – возразила Таня. – И там все раздеты точно так же, как я!

– Так попроси Макса тоже раздеться, – простодушно предложила Маша. – А лучше сама его раздень.

– Машка! Как я могу! – возмутилась Таня.

– Танька! Я тебя не узнаю! Это же ты всегда мне говорила, что я веду себя слишком скованно! А теперь сама так себя ведёшь, и с кем? С собственным мужем! Позволь ему посмотреть на тебя, ты же не уродина, никаких физических изъянов у тебя нет, чего стесняться? Пусть он потрогает и погладит тебя везде, где ему хочется, и сама сделай то же самое. Увидишь, тебе понравится.

– Я так не могу, – категорично проговорила Таня.

– Если любишь Максима, сможешь, – ответила Маша столь же категорично. – Попробуй сегодня же, – добавила она, увидев, что к ним направляется Максим.

Максим подошёл и увел Таню танцевать. Маша наблюдала за ними. Макс, как всегда, вел себя безупречно: был ласков и нежен, и пытался развеселить жену. А у нее по-прежнему было кислое выражение лица. Маша смотрела на Максима и гадала, надолго ли хватит его терпения, если Таня продолжит кукситься.

На следующий танец Максим пригласил Машу.

– О чем вы с Танюшкой разговаривали? – спросил во время танца.

– Так, просто болтали. Ты же знаешь, как женщины любят болтать.

– Послушай, Маша, я не из простого любопытства интересуюсь, – озабоченно проговорил Максим. – Я беспокоюсь за Таню. Она всё время какая-то невеселая. Может, больна, она тебе не говорила?

– Нет, она здорова. А давно она невеселая?

– Да практически с самой свадьбы, уже два месяца.

– Может, ей что-то не нравится в ваших отношениях?

– Маш, ну о чем ты говоришь?! – возмутился Максим. – Да я же всё для нее, что ни пожелает! Хочет новое платье – пожалуйста, хочет фруктов, или мороженого – пожалуйста! В гости к маме – пожалуйста! Я же ей ни в чём не отказываю, всё время Танюша да Танечка... Чем она еще может быть недовольна?

– Может, ей кажется, что ты её не любишь?

– А может, это она меня не любит? – обиделся Максим. – До свадьбы такая нежная была, такая ласковая, веселая... а после как подменили. Всё время какая-то недовольная... А я всё равно её люблю. Я готов горы свернуть, лишь бы она была счастлива.

– Не надо горы, Макс, – улыбнулась Маша.

– Ну, а что делать-то? Может, посоветуешь? Вон ты какая, прямо светишься вся. А Танюшка говорит, что счастлива, а сама грустная...

– Совет, говоришь, дать? – спросила Маша. – Хорошо. Просто не торопись.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Максим.

– Только то, что сказала. Не торопись. Дай Тане к тебе привыкнуть, опыта набраться... ты ведь у неё первый. Ну, понимаешь?

– Кажется, да...

Танец закончился, и Маша отошла от Максима. Поговорила с Наташей, с Леной, с другими девушками и парнями, потом к ней снова подошла Таня.

– Как думаешь, Макс обрадуется, когда я скажу ему про ребёнка? – задумчиво спросила она.

– Думаю, да, – кивнула Маша.

– Но если я скажу ему, нам нельзя будет продолжать интимные отношения, – сказала Таня.

– Почему нельзя? – удивилась Маша.

– Это может повредить ребёнку.

– А пока ты не знаешь, что беременна, это не вредит? – усмехнулась Маша.

– Машка, я же серьёзно!

– Танечка, не бойся, на раннем сроке можно заниматься любовью без всяких ограничений. У тебя же медицинское образование, неужели не знаешь этого?

– Мы это не проходили. А ты откуда знаешь?

– Прочитала в книжке «Пособие для начинающих интимную жизнь».

– Ты что, разве такие есть? – не поверила Таня. – И где ты взяла такое пособие?

– Честно говоря, уже не помню, как эта книга называлась, но на пособие очень была похожа. В библиотеке её не возьмёшь и в магазине не купишь. А мне еще на втором курсе девчонки в общежитии дали почитать на одну ночь, – ответила Маша и добавила: – Скажи Максиму о ребёнке сегодня вечером, когда будете ложиться спать. А потом сделай так, как я сказала.

– Но я всё равно не смогу... при свете! – сказала Таня.

– Необязательно при ярком свете, – ответила Маша. – Зажги ночник или свечи. Полутьма так романтична! Мы с Лёшкой, например, в первый раз смотрели друг на друга при свете костра.

– Ладно, попробую, – решила Таня. – Мы с Максимом сейчас уже пойдём домой.

– Да и мне пора уходить, – спохватилась Маша.

Они попрощались с оставшимися у костра одноклассниками. Их не отпускали, но после долгих прощаний они всё же ушли. Некоторое время Таня и Максим шли вместе с Машей, потом она свернула на дорогу в Золотавино.

Дорога была пустынная. Маша шла и думала, чем сейчас может быть занят Лёшка. Может, уже лёг спать, а может, сидит с мамой у телевизора, они пьют чай и беседуют. Лёшка быстро подружился с Машиной мамой, и она относится к нему, как к сыну, которого не довелось иметь, но о котором всегда мечтала. И если было время, когда мама сомневалась, что Маша будет счастлива с Лёшкой, сейчас она точно знала, что её дочь счастлива. В данную минуту Маша чувствовала себя счастливой потому, что скоро увидит Лёшку после разлуки, длившейся несколько часов. Но для них даже один час – это долго. Может, сейчас он выйдет ей навстречу, и обнимет так, будто не виделись месяц. А если он уже спит, она разбудит его поцелуем...

Лёшка не встретил Машу, она решила, что он уже спит, и вошла в дом. В гостиной работал телевизор, но комната была пуста. Дверь в Машину комнату была приоткрыта, и оттуда слышалось мамино бормотание. Маша бросилась туда.

Лёшка лежал на кровати, глаза закрыты, дыхание затруднено. Мама сидела рядом, гладила Лёшку по волосам и тихо уговаривала его: «Всё будет хорошо, Алёшенька, всё скоро пройдет».

– Мам, что случилось? – спросила Маша, подбежав к кровати.

– Не знаю. Лёше стало плохо... – ответила мама испуганно. – Я его уложила, но чем помочь, не знаю. Хотела за фельдшером бежать, а он не отпускает...

– Давно ему стало плохо?

– С пол часа назад.

– Он не падал?

– Нет.

Маша взяла обмякшую Лёшкину руку, нашла пульс и поняла, что у него плохо с сердцем. Она быстро нашла в дорожной сумке лекарство, налила в стакан воды и подала Лёшке, приподняв его голову и подсунув еще одну подушку. Маша сделала это ловко и привычно, ей уже не раз приходилось ухаживать за больным мужем. Она была счастлива, что помочь ему в её силах.

Через несколько минут он стал дышать ровнее, пульс тоже выровнялся. Лёшка открыл глаза и слабо улыбнулся.

– Отдыхай, милый, я сейчас вернусь, – сказала Маша и вместе с мамой вышла в гостиную.

– Что здесь произошло? – спросила она, плотно закрыв за собой дверь.

– Да ничего, – мама пожала плечами.

– Мам, не обманывай меня. Что, Лёшке стало плохо ни с того, ни с сего?

– Ну... – замялась мама, но всё же рассказала. – Часа через три после твоего ухода...

Мы с Лёшей как раз заканчивали чай пить... появился Золотавин. Конечно, опять пьяный. Да он трезвым-то практически не бывает. Я ему сказала, чтобы домой шёл и проспался, а он

начал меня оскорблять, говорить всякие гадости. Я просила Лёшу не вмешиваться, но он не выдержал, и выставил Юру за дверь, а потом ему и стало плохо...

Маша давно знала, что Юра Золотавин влюблён в её маму еще с молодости. После смерти Машиного отца он подъезжал к Ирине Борисовне с разных сторон с предложениями руки и сердца. Но она всегда отказывала. Маше этот человек не нравился, она не могла даже представить его своим отчимом. Но не стала бы возражать против их женитьбы, если бы Юра нравился маме. Только Ирина Борисовна тоже его терпеть не могла. А он всё никак не мог успокоиться, и до сих пор приходил набиваться в женихи. Ирина Борисовна выгоняла его, а чаще вовсе не пускала в дом. Это ужасно злило Золотавина, особенно когда к Веселовым стал приезжать Лёшкин отец Павел Кузьмич.

Он приезжал нечасто, и всегда не один, но это не помешало родиться сплетне, что у Ирины Борисовны с Павлом Кузьмичом роман. А как же может быть иначе, если за те полтора года, что они знакомы, дом Веселовых основательно преобразился. Много лет он приходил в упадок без мужских рук, но теперь вокруг не стояли покосившиеся изгороди, крыша не протекала, печь не дымила, ступеньки крыльца перестали шататься, а калитка скрипеть. Ну не за «спасибо» же мужик так старается!.. Ирина Борисовна никого даже не пыталась убеждать в том, что никакого романа между нею и отцом мужа её дочери нет. Да оно и лучше, спокойнее стало – мужики деревенские перестали приставать с предложениями рук и сердец, а чаще просто развлечься. А Золотавин, наоборот, стал еще настойчивей. Как напьётся, так и бежит к Ирине Борисовне со своей неистребимой любовью.

– Маш, ты извини, что так получилось, – виновато сказала мама. – Я бы и на порог его не пустила, но дверь открыта была, и он сам вошёл...

– Ладно, всё нормально, – ответила Маша и вернулась в комнату к Лёшке.

Ему уже стало лучше. Маша села рядом. Лёшка взял её за руку и улыбнулся.

– Знаешь... – начал он, но Маша закрыла ему губы ладонью.

– Знаю. Мама рассказала.

– Оказывается, здесь все думают, что мой отец – любовник твоей мамы.

– Главное, чтобы твоя мама так не думала, – улыбнулась Маша.

– Она так не думает, – заверил Лёшка и добавил: – Расскажи, как ходила на встречу.

– Очень хорошо. Было весело. Повидалась с одноклассниками, поговорила с подругами.

Все так повзрослели... Уже такие дяди и тети... У некоторых дети...

Маша прикусила язык. Детский вопрос их обоих давно волновал. Они вместе почти два года, а Маша еще ни разу не забеременела. Поэтому сменила тему разговора.

– В общем, всё прошло прекрасно. А на завтра я пригласила в гости Таню и Максима Широковых, к которым мы в апреле ездили на свадьбу.

– Да, но на свадьбу мы не попали, потому что я заболел, – напомнил Лёшка.

– Ой, наверное, я их некстати пригласила, – спохватилась Маша.

– Почему? – удивился Лёшка.

– Я предложила пойти в луга на пикник. Но ты, наверное, не сможешь завтра идти.

– Если не смогу, устроим пикник в огороде, – улыбнулся Лёшка.

– В огороде неинтересно, – скривилась Маша.

– Маш, наверное, ты не хочешь, чтобы твои друзья узнали, что я инвалид?

– Нет, зачем мне от них что-то скрывать. Но, может быть, ты не хочешь, чтобы они знали такие подробности о тебе?

– Для меня не имеет большого значения, будут они знать или нет.

– Ну и прекрасно, – улыбнулась Маша.

*

Утром Лёшка чувствовал себя нормально. Поэтому, когда пришли супруги Широковы, Маша и Лёшка были готовы к выходу на природу. Таня и Максим принесли бутылку вина.

Маша собрала в корзинку еду и питьё, захватила покрывала, скатерть, и вчетвером они отправились в луга. Найдя живописное местечко недалеко от речки, расположились на отдых.

Маша заметила, что Таня сегодня выглядит веселее, чем вчера, а муж стал относиться к ней еще нежнее и ласковее.

Максим открыл вино.

– Давайте выпьем за знакомство, – предложил он.

– Ой, нет, я не буду, – сразу отказалась Таня и добавила с плохо скрываемой гордостью: – Мне нельзя, я беременна.

– Уважительная причина, – улыбнулся Лёшка и добавил: – И я не буду.

– А ты-то почему? – удивился Максим.

– У меня больное сердце, – пояснил Лёшка.

– Что, вообще пить нельзя? – сочувственно спросил Максим.

– Нет, иногда можно. Но именно сегодня лучше не пить. Танечка, мы с тобой нальем себе клюквенного морса, и у тебя с Максимом родится здоровый малыш, у меня не будет сердечного приступа, а у Маши – проблем, – улыбнулся Лёшка.

– Что ж, придётся нам с тобой, Машка, пить за четверых, – сказал Максим.

– Придётся, – согласилась Маша. – И если мы станем алкоголиками, будет ясно, кто в этом виноват.

День был тёплый и солнечный, и Маша с Таней разделись до купальников, решив позагорать. Лёшка тоже снял рубашку, а Максим не стал раздеваться.

Они ели, пили, разговаривали, шутили, смеялись – в общем, весело проводили время. Солнце жарило все сильнее, и Маша предложила Максиму снять рубашку. Но он заверил, что ему абсолютно не жарко.

Лёшка и Максим быстро подружились. Макс предложил Лёшке пойти на речку половить рыбу.

– Без удочек? – удивился Лёшка.

– Конечно. Руками, – ответил Максим. – У нас тут никто на удочки не ловит.

– Разве можно поймать рыбу руками? – еще больше удивился Лёшка.

– Пойдём, научу, – сказал Максим, вставая.

Лёшка взглянул на Машу, молча спрашивая разрешения. Она подумала, если Лёшка с Максимум побродят по мелководью, в этом нет ничего опасного, и чуть заметно кивнула. К тому же Маше очень хотелось поболтать с подругой наедине.

Максим и Лёшка закатали брюки до колен, спустились к речке и пошли вверх по течению к небольшой заводи.

А Маша и Таня остались валяться на покрывалах под жарким июньским солнцем, потягивая прохладный морс.

– Твой Лёшка настоящий красавец, – сказала Таня, когда мужья отошли достаточно далеко. – У него идеальная фигура. Спортом занимается?

– Какой спорт, Танька, у него же сердце больное. Но он старается держать форму. Кстати, у Максима фигура тоже ничего. Почему он не разделся? Меня стесняется, что ли? Или ты не позволяешь мужу раздеваться при чужих жёнах?

– Нет, – Таня хихикнула. – Просто я сегодня ночью ему всю спину испарапала!

– Как? – удивилась Маша. – За что?

– А ни за что, – Таня смущенно зарделась. – В общем, я решила последовать твоим советам. Ну, пару фильмов еще вспомнила, Ленкины рассказы... Зажгла в спальне свечи, и разрешила Максиму смотреть на меня, и делать всё, что он хочет.

– Ну, и что он делал? – любопытствовала Маша.

– Он сначала удивился... спросил, что случилось, и зачем свечи. Тогда я сказала, что беременна, и с этого момента у нас всё будет по-другому. Он, конечно, очень обрадовался,

что у нас будет ребёнок, и сказал, что нам теперь нельзя заниматься... этим. А я ответила, что у него устаревшие сведения... Но, честно говоря, Маша, мне сначала было очень неудобно и стыдно, когда Максим раздел меня и начал трогать. Но потом я забыла об этом, так мне стало хорошо. Максим стал меня гладить и целовать... везде... Мне было так приятно, что хотелось кричать, я еле сдерживалась. А потом... знаешь, мне всегда было немножко больно, когда... ну, ты понимаешь... и даже противно. А вчера мне просто хотелось вывернуться наизнанку, чтобы быть еще ближе к Максиму. Я так прижимала его к себе, что сегодня даже руки болят. Вот тогда-то я и исцарапала его, непроизвольно... Маш, ты права, это на самом деле было здорово. И нисколько не больно. Это... в общем... приятно до неприличия. Я даже не помню, как уснула. А когда проснулась, чуть со стыда не сгорела. Совершенно голая, при свете дня... и Максим смотрит на меня. Так неудобно...

– Почему неудобно? – удивилась Маша.

– Потому что всё, что мы делали, ужасно неприлично.

– Почему неприлично?

– Он трогал меня... там... руками! – Таня покраснела до корней волос от смущения. – А я – его... Ну... он попросил...

– Тань, Макс твой муж, и когда вы наедине, между вами не может быть ничего неприличного, – возразила Маша. – Гораздо неприличнее просто целоваться с полужнакомым парнем где-нибудь в подворотне.

– На что ты намекаешь? – прищурилась Таня.

– На то, как ты наставляла меня, как вести себя с парнями, чтобы понравиться им, – ответила Маша.

– Это было давно, и неправда, – махнула рукой Таня.

– Но кое-что из твоих наставлений я усвоила, – добавила Маша.

– Что? – полюбопытствовала Таня.

– Самой сделать первый шаг навстречу, – ответила Маша и пояснила: – Мы с Лёшкой были близки в первый раз через две недели после знакомства.

– Машка, разве я этому тебя учила? – возмутилась Таня, снова краснея.

– Ты учила меня быть менее скованной и более смелой. Вот мне и пришлось проявить смелость на полную катушку. Это было необходимо.

– Зачем? – удивилась Таня.

– Понимаешь, Тань... – начала Маша, решив рассказать подруге, почему Лёшка считал, что не имеет права любить, и как она хотела разубедить его в этом. Но не успела.

Со стороны речки девушки услышали вскрик. Маша сразу вскочила:

– Лёшка! – и бросилась к реке.

– Маш, ты куда? – Таня побежала за ней.

– Это Лёшка кричал, там что-то случилось, – ответила Маша, не останавливаясь.

– Машка, он же не маленький ребёнок, что ты всполошилась?

Маша не ответила, продолжая бежать к речке.

В заводи с медленным течением Лёшки и Максима не было. Маша с Таней побежали дальше. Они нашли своих мужей за излучиной речки на каменистом перекате. Лёшка лежал на камнях наполовину в воде, лицо исказила гримаса боли. Максим сидел рядом на корточках. Вид у него был испуганный.

– Максим, что произошло? – спросила Маша.

– Да ничего, – растерянно ответил он. – Мы шли по перекату, разговаривали... Лёшка поскользнулся и упал... И встать не может...

– Ясно, – кивнула Маша и склонилась к мужу. – Лёш, где больно?

– Не знаю, – одними губами прошептал он.

– Максим, помоги, – попросила Маша.

Они вытащили Лёшку из воды на траву. Маша сняла с него мокрые спортивные брюки. И Таня с Максимом увидели многочисленные шрамы на его теле.

– Что это? – тихо спросила Таня.

– Потом расскажу, – ответила Маша и снова склонилась к мужу. – Алёша, попробуй пошевелить пальцами ног, – попросила она.

Он пошевелил, морщась от боли.

– Слава Богу, все в порядке, дорогой, – облегченно вздохнула Маша, и Лёшка слабо улыбнулся ей в ответ.

Маша села рядом, чтобы ему было удобнее, положила его голову к себе на колени. Он лежал, закрыв глаза. Таня и Максим топтались рядом, ничего не понимая. Так прошло минут двадцать.

– Где больно, Лёшка? – снова спросила Маша.

– Правое колено. Там, наверное, синяк, – ответил он, не открывая глаз.

– Да. Небольшой, – согласилась Маша.

– И спина. Как всегда, – добавил Лёшка.

– Идти сможешь?

– Не знаю... попробую, – он открыл глаза и взглянул на Максима. – Извини, напугал тебя. Я сам испугался... Макс, Таня, извините, что испортил вам отдых.

– Да ничего... всё равно уже пора домой, – ответил Максим.

Маша помогла Лёшке встать и дойти до дома. Максим и Таня несли корзину и покрывала.

– Мы переночуем сегодня у мамы, – сообщила Таня, когда они подошли к дому Веселовых. – Я забегу к тебе вечером, можно?

– Конечно, – кивнула Маша.

Дома она уложила Лёшку в постель, сделала массаж, натерла спину обезболивающей мазью. Ему стало лучше, но по опыту Маша знала, что после падений спина у него болит не меньше трёх дней, и их придётся провести в постели.

*

Таня пришла в девять вечера, Лёшка уже спал. Маша сидела у телевизора и вязала.

– Привет, – сказала подруга. – Как Лёшка?

– Нормально, – ответила Маша. – Спит.

– А что с ним произошло? – спросила Таня.

– Лёшке нельзя падать, – объяснила Маша. – У него повреждён позвоночник... Будешь чай?

– Буду.

Маша накрыла стол в гостиной. Мама ушла поболтать к соседке, и подругам никто не мешал разговаривать.

– Ты обещала рассказать, откуда у Лёшки эти ужасные шрамы, – напомнила Таня.

– Нисколько они не ужасные, – ответила Маша. – Он получил их, когда мы еще не были знакомы. Три года назад по нему проехал комбайн, раздробил тазовые и бедренные кости. Повреждение позвоночника тоже оттуда.

– Какой ужас! – воскликнула Таня, округлив глаза. – Ой, Машка, так он же совсем больной!

– И что?

– И ты уверяешь всех, что счастлива с ним?

– Конечно.

– А я что-то сомневаюсь.

– Почему ты думаешь, что я вру? Зачем мне врать?

– Ну... не знаю... Зачем-то же врал в седьмом классе... извини, я не хотела тебя обидеть...

Может, тебе просто стыдно признаться, что ты несчастлива?

– Я счастлива. Но если не веришь – не верь. Мне без разницы.
– А когда ты узнала, что он такой больной? – спросила Таня, подозрительно прищурившись. – Наверняка уже после свадьбы?
– Нет, раньше. Когда познакомились, тогда и узнала.
– Машка, тогда я не понимаю, зачем ты за него замуж-то пошла?
– Потому что люблю.
– Хорошо, что у вас детей нет, – с сочувствием в голосе проговорила Таня.
– Это почему же хорошо?
– Да, Маша, и не вздумай рожать, – жестко сказала Таня.
– Это еще почему?
– Ты что, сама не понимаешь? Он сердечник, а пороки сердца передаются по наследству. А повреждение позвоночника еще хуже! Не ровен час, у него ноги отнимутся... не дай Бог, конечно, – быстро проговорила Таня, поймав возмущенный Машин взгляд. – Что ты будешь делать с инвалидом, да еще с ребёнком на руках?
– Танька, не учи меня жить! Напротив, я собираюсь родить от Лёшки детей, и чем больше, чем лучше!
– Машка, ты сошла с ума! – воскликнула Таня. – Ну, нельзя же настолько поддаваться детской мечте, чтобы выйти замуж за парня только потому, что его зовут так же, как того, которого ты придумала!
– Таня, как ты не можешь понять, я его люблю! А что его зовут так же, совпадение!
– Да нет, ты просто вбила себе в голову, что любишь его, еще в седьмом классе, вот и всё. И связала себя с таким больным человеком, как будто здоровых тебе мало!
– Я его люблю, – упрямо повторила Маша.
– Я понимаю, он, конечно, красавец, и умница, но надо же и о будущем думать, – назидательно проговорила Таня.
– Нет, мы никогда не понимали друг друга, и не поймём, наверное, – Маша вздохнула. – Можешь оставаться при своём мнении, а я останусь при своём.
– Ладно, – Таня встала, собираясь уходить. – Но запомни, что я тебе скажу: ты еще заплачешься со своим Лёшкой.
– Это моя проблема, – холодно ответила Маша.
Таня ушла, а Маша убрала со стола и пошла спать. Лёшка спал спокойно и безмятежно. Дыхание было ровным и глубоким. Маша смотрела на мужа несколько долгих минут, и думала: «Боже, какое это счастье – даже просто смотреть на него».

*

К субботе Лёшка поправился, поэтому, когда пришла Лена и пригласила Машу и Лёшку на танцы, они согласились.
– А ты с кем пойдёшь? – поинтересовалась Маша.
– Как это с кем? С вами, – с усмешкой ответила Лена.
– С нами – это понятно. А твой Вадим разве не пойдёт?
– Я давно с ним рассталась, – махнула рукой Лена.
– Как давно? – удивилась Маша. – Еще два месяца назад на свадьбе у Широковых вы были вместе.
– А после расстались, – равнодушно ответила Лена. – Ну ладно, я зайду за вами часиков в пять.
– Заходи, – кивнула Маша.

Вечером Маша, Лёшка и Лена отправились на танцы в районный Дом Культуры. Лена была очень весёлой и оживленной, и всё время разговаривала с Лёшкой, не давая Маше вставить ни слова. Ей хотелось сказать подруге: «Ты всё еще считаешь, что Лёшка слишком хорош для меня? А Танька уже так не считает». Но Маша только мысленно усмехалась.

Лёшка, как галантный кавалер, танцевал с Машей и Леной по очереди. Она не отходила от Лёшки и Маши даже в перерывах между танцами. Маша с затаенной улыбкой наблюдала, как Ленка строит глазки Лёшке.

Танцую с Лёшкой в свою очередь, Маша сказала:

– Ты заметил, как Ленка всеми силами пытается тебя очаровать?

– О, да, – улыбнулся он. – Наверное, она ничего обо мне не знает?

– Конечно. Никто пока не знает, кроме Таньки. А она не успела никому разболтать.

– Лена уже интересовалась, что хорошего я в тебе нашёл. Это было сказано в мягкой, завуалированной форме, но суть я понял. Нет, она, конечно, заверила меня, что ты прекрасный человек, она уважает и любит тебя, как подругу, но мы... чисто по её мнению... как бы не очень подходим друг другу. То есть совсем не подходим.

– А ты что ответил?

– Сказал, что влюбился в тебя с первого взгляда, именно о такой девушке мечтал всю жизнь и считаю нас с тобой идеальной парой. По-моему, ответ не очень понравился Лене.

– А если ты меня сейчас поцелуешь, это ей понравится еще меньше, – лукаво проговорила Маша.

Лёшка улыбнулся, и поцеловал жену. Она хотела посмотреть, какое впечатление поцелуй произведет на Лену. Но глаза закрылись сами собой, а когда она их открыла, увидела, что подруга смотрит в другую сторону, и рядом с ней появились Таня и Максим. Таня что-то выговаривала Лене, поглядывая на Машу и Лёшку, а та слушала, иронично усмехаясь.

– Широковы пришли, – сообщила Маша. – И, по-моему, Танька рассказывает Ленке о тебе.

– Пусть рассказывает, – спокойно ответил Лёшка. – Интересно посмотреть, как Лена отреагирует на Танину информацию.

Танец закончился, Маша с Лёшкой подошли к Лене, Тане и Максиму. Маша с Таней не виделись несколько дней – с того вечера, когда они практически поссорились.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Лёшка с супругами Широковыми.

– Привет, – сказала Маша, украдкой наблюдая за Леной.

Ничего особенного в поведении подруги она не заметила. Лена продолжала, как ни в чем ни бывало, строить глазки Лёшке.

«Может, я ошиблась, и они говорили не о нём», – подумала Маша.

Снова зазвучала музыка, Лёшка пошел танцевать с Леной. Максим тоже пригласил какую-то девушку, потому что Таня и Маша танцевать отказались.

– Ты обиделась на меня, да? – спросила Таня после недолгого молчания, поняв, что Маша не собирается заговаривать первой.

– А ты как думаешь?

– Ну, извини, я, наверное, была неправа. То, что ты рассказала о Лёшке, так неожиданно... Я была шокирована. Но подумала, и поняла, что если бы Максим попал под комбайн, я бы всё равно его любила, и всё равно пошла бы за него замуж.

– Рада, что ты поняла меня, – сказала Маша потеплевшим тоном.

– Но детей, Машка, вам всё равно не надо заводить, – добавила Таня.

– Опять ты за старое! – нахмурилась Маша.

– Ладно, ладно, не будем об этом, – Таня решила замять тему, и перевела разговор на другое. – Кстати, Маша, ты заметила, как Ленка всю ухлёстывает за твоим Лёшкой?

– Заметила, – Маша усмехнулась. – И мне очень весело наблюдать за её стараниями.

– Тебе будет очень весело, когда Ленка уведёт у тебя мужа, – проворчала Таня, и добавила: – Мы с самого начала вечера за вами наблюдаем, и возмущены Ленкиным поведением. И твоим тоже. Ты ведёшь себя так, будто ничего не замечаешь. Пришлось мне её предупредить, чтобы не увлеклась.

– Не стоило трудов, Танечка, – с усмешкой проговорила Маша. – Да мне не жалко, пусть Ленка бегаёт за Лёшкой, пока все подошвы не сотрёт до дыр.

– Маш, ну почему ты такая беспечная! – возмутилась Таня. – Говоришь, что любишь Лёшку, а сама и ухом не ведёшь, когда его у тебя отбивают!

– Да, потому что я в нём абсолютно уверена, – сказала Маша.

– Нельзя быть абсолютно уверенной ни в ком! – заявила Таня. – Скажу честно, Маша, хоть я и не в восторге от твоего замужества, но не хочу, чтобы Ленка портила тебе... вам обоим жизнь. Знаешь, из-за того, что Володька женился на другой, она готова мстить всем и каждому, кто хоть немного счастлив. Она даже за моим Максом пыталась бегать, представляешь?

Маша вспомнила, что на встрече выпускников Таня и Лена практически не общались, она это заметила, но не придавала большого значения. Таня продолжала:

– Но я её быстро на место поставила, оттащила за волосы, надолго отшибла охоту строить глазки моему мужу... А раз ты ничего не предпринимаешь, я предупредила её вместо тебя. Но она только усмехнулась, когда я попросила оставить твоего Лёшку в покое. Тогда я объяснила, какой он больной, надеялась, хоть это её остановит... Ну, ты же не запрещаешь рассказывать об этом... А она знаешь, что ответила? Что ей всё равно, больной он, или здоровый, потому что детей крестить она с ним не собирается. Ленка просто задалась целью переспать со всеми мужиками в районе, и ей неважно, кто этот мужчина – какой-нибудь заезжий командировочный или муж её близкой подруги.

– С Лёшкой этот номер не пройдёт, – уверенно сказала Маша.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что мой муж не из тех, кто бросается на первых встречных.

– Ты же сама говорила, что переспала с ним через две недели после знакомства!

– Но я – не первая встречная, – усмехнулась Маша.

На это трудно было что-либо возразить, и Таня, помолчав, сказала:

– В любом случае, будь поосторожнее с Ленкой. Она на всё способна. И не обижайся на меня, я же тебе только добра желаю.

– Тогда пожелай мне поскорее забеременеть.

– Машка, ты несправима! Ты никогда не слушаешь моих советов!

– И правильно делаю. Если бы слушала твои советы, то сейчас я была бы замужем за Максимом, а не ты.

На это Тане тоже нечего было ответить, и она промолчала. Танец закончился, и к ним подошли Лёшка, Лена и Максим.

Следующий танец с Лёшкой танцевала Маша.

– Знаешь, Таня рассказала Лене обо мне, – сообщил он. – Лена расспрашивала меня о том, как я попал под комбайн. И даже выразила желание взглянуть на следы, оставленные им на моем теле. Нетрудно догадаться, что это был скрытый намек на встречу наедине.

– И что ты ответил? – спросила Маша.

– Я сделал вид, что не понял намека, и пригласил пойти с нами на пляж, где она сможет всё... ну, или почти всё увидеть. Знаешь, я удивлен, что, узнав обо мне такие вещи, Лена не потеряла ко мне интереса.

– Потому что она не собирается уводить тебя у меня, – усмехнулась Маша. – Она хочет просто развлечься, переспать с тобой.

– С мужем своей подруги? – удивился Лёшка.

– А ей всё равно с кем, – ответила Маша, и, заметив, что Лена сразу упала в Лёшкиных глазах, добавила: – Ты не думай, Ленка не такая плохая, нет, она вполне нормальная девчонка. Ей просто не повезло в жизни. Парень, которого она, скорее всего, до сих пор любит, женился на другой, обожает жену, и скоро у них родится второй ребёнок. Вот Ленка и сходит с ума

от ревности... Кстати, Володька с Наташкой тоже здесь, я их давно заметила. Хочешь, познакомлю?

– Познакомь, – согласился Лёшка, и они пошли в другой конец зала, где танцевали Наташа и Володя.

– О, Машенька, привет! – увидев их, обрадовалась Наташа. – Я как раз мечтала вас сегодня встретить!

– Я польщена, – улыбнулась Маша. – Наташа, Володя, познакомьтесь: мой муж Алексей.

– Очень приятно, – он вежливо улыбнулся Наташе и пожал руку Володе.

– Ваша жена, Алёша, единственная из всех девчонок относилась ко мне по-человечески, когда я была ужасно толстая и уродливая, – сказала Наташа.

– Вы, Наташа, были толстой и уродливой? – удивился Лёшка, оглядывая её стройную фигурку. – Ни за что не поверю.

– Это чистая правда, – с улыбкой подтвердил Володя. – И Маша тоже скажет.

Лёшка взглянул на Машу, она кивнула.

– Я вам потом покажу фотографии, – пообещала Наташа и добавила: – Маша, Алёша, приходите завтра к нам в гости, часам к трём, на мой день рождения.

– Пойдём? – спросила Маша.

– Конечно, – кивнул Лёшка.

– Спасибо за приглашение, мы придём, – сказала Маша.

– Машка, твой муж на самом деле еще красивее, чем на фотографии, – шепнула Наташа.

Маша довольно улыбнулась. Они еще поболтали с Наташей и Володей и вернулись к Лене, которая их потеряла, и теперь высматривала, вертя головой во все стороны.

– Ну вот они! – Лена облегченно вздохнула, когда Маша и Лёшка подошли к ней. – Куда вы запропастились?

– Ходили поздороваться с Рукавишниковыми, – ответила Маша.

– Наверное, Наташка приглашала вас на день рождения? – скривилась Лена.

– Да, – кивнула Маша.

– И вы пойдёте? – хмыкнула Лена.

– Да, – снова кивнула Маша.

– Лена, а ты пойдёшь? – спросил Лёшка.

– Даже если бы она меня пригласила, я бы не пошла, – презрительно усмехнулась Лена.

– Но она меня не приглашает, боится, что уведу у неё мужа.

– Что, на самом деле уведёшь? – шутливо спросил Лёшка.

– Если бы хотела, давно бы увела, – фыркнула Лена. – Да только не хочу... Лёшка, пойдём лучше танцевать! Машка, сейчас моя очередь!

– Извини, Лена, – Лёшка прислонился к стене. – Я очень устал, и почти валюсь с ног.

– Может, пойдём домой? – предложила Маша.

– Ну, Лёшка, еще же так рано! – разочарованно протянула Лена. – Давайте останемся еще хотя бы на часик! Ты так хорошо танцуешь, Лёша!

– Если я потанцую еще полчаса, вообще не смогу идти, – отказался Лёшка.

– Но ты можешь не уходить с нами, – сказала Маша Лене. – Оставайся.

– Ага, а потом домой одной топать, – проворчала та. – Ладно уж, идёмте...

ГЛАВА 3. ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ

Июль 1985 – июль 1987 гг.

На дне рождения Наташи собралось много одноклассников, но Маша удивилась, увидев в числе приглашенных Олю Золотавину. А заметив Лёшку Кочергина, поняла, что Оля пришла с ним. Кочергин – друг Рукавишникова еще со школы, и было бы не совсем удобно пригласить Лёшку одного, без подруги. Хотя Олю Наташа недолюбливала, потому что в школе та часто насмеялась над её полнотой.

Сегодня Оля впервые увидела Машиного мужа. Улучив момент, когда Маша была одна, Оля подошла и сказала:

– Ой, Машка, ну и красавчика ты себе отхватила! Танька мне давно говорила, что твой Лёшка красавец, и фотку его я на вечере встречи видела, но живьем он еще красивее! Куда моему Лёшке до твоего!... А ты не боишься, что его у тебя уведут?

«Она тоже считает, что Лёшка слишком хорош для меня», – мысленно констатировала Маша и ответила:

– Мне его в четырёх стенах запереть, чтоб случайно никто не увидел? Да он тогда сам от меня сбежит. Лучше ты расскажи, как у тебя дела с Кочергиным? Замуж-то за него собираешься?

– Я-то собираюсь, да он не берёт, – махнула рукой Оля. – Чего ему торопиться-то, если он и так практически у меня живёт. Так что я вряд ли дождусь предложения руки и сердца. Он же махровый бабник, – она понизила голос: – Ты знаешь, у него ребёнок уже есть!

– Как? – удивилась Маша, и поняла, что удивлена, скорее, не тому, что у Кочергина есть ребёнок, а тому, что Таня об этом еще не рассказывала.

– Да, какая-то дурочка из Мошкино от него родила, – сообщила Оля по секрету то, что знал уже, наверное, весь район. – Думала, он женится на ней, если она родит. А он ребёночка-то не признал! А я уже три раза аборт делала. Не хочу безотцовщину плодить.

– А Кочергин знает про аборты? – спросила Маша.

– Нет, я ему ничего не говорила. Зачем? Чтобы он меня тоже бросил?

Лёшка Кочергин сильно упал в глазах Маши за те пять лет, что прошли после окончания школы. За это время она ни разу его не встречала, зато очень много слышала, когда приезжала к маме в гости, – в основном о его похождениях с женщинами. А сегодняшняя встреча с Кочергиным не в счёт. Он, скорее всего, даже не узнал её, и не обратил ни малейшего внимания.

– Олька, бросай-ка ты его сама, – сказала Маша. – Найди себе другого.

– Так мужики же на дороге не валяются, – развела руками Оля. – А те, которые валяются, мне не нужны. Не всем же так везёт, как тебе.

Маша не стала спорить. В конце концов, кто она такая, чтобы давать советы другим. Но ей была неприятна зависть подруги, и она сказала:

– А Танька уже не считает, что мне очень повезло.

– Почему? – удивилась Оля.

– Мой муж – инвалид, и у него большое сердце, – сказала Маша, наблюдая, какую реакцию произведут на подругу эти слова.

– Правда? – у Оли округлились глаза. – Да ты шутишь, Машка!

– Очень нужно мне так шутить, – Маша усмехнулась. – Это правда.

– Ну, сердечник – это не смертельно, – сказала Оля. – Но он не похож на инвалида. Или, может, у него с головой не в порядке? Что-нибудь типа эпилепсии? Тогда я тоже тебе не завидую.

– С головой у него всё в порядке, – ответила Маша. – У него повреждён позвоночник. Нельзя поднимать тяжелое, бегать, падать, и еще много чего.

– А по нему не скажешь, что инвалид, – проговорила Оля оценивающе, взглянув на Лёшку уже другими глазами. – Машка, но зачем тогда ты вышла за него замуж?

– Потому что люблю.

– Ну, Машка, здорово ты попалась, – заключила Оля с деланным сочувствием в голосе. – Да-а, тебе на самом деле не позавидуешь. Проблемы с позвоночником еще хуже, чем эпилепсия. Это значит, у него в любой момент могут ноги отказать?

– Да.

– Ты, по крайней мере, Машка, детей не заводи, – добавила Оля.

Маша заметила, что Оля сразу воспрянула духом, услышав про «несчастья» подруги. Что ж, Маша только рада, что помогла ей стать чуточку счастливее. Она отошла от Оли, отыскивая мужа взглядом.

Он играл со Светиком, сыном Наташи и Володи. Маша снова, уже в который раз, пожалела, что всё еще не беременна. Каким хорошим отцом Лёшка стал бы!..

К нему подошёл Володя, они о чем-то заговорили, как старые друзья. Маша не слышала слов, но поняла, что они сразу подружились.

К Маше подошла Наташа, и, указав на Лёшку и Володю, сказала:

– Твой муж – просто чудо. Вы прекрасная пара. Вам обязательно надо родить ребёнка.

– Да, мы очень этого хотим, – ответила Маша и добавила, чуть понизив голос: – Наташ, скажи, если бы твой муж был инвалидом, и у него было больное сердце, ты хотела бы иметь от него детей?

– Конечно, – без раздумий ответила та. – Но почему ты спрашиваешь?

– А ты бы вышла замуж за парня, заведомо зная, что он больной? – вместо ответа спросила Маша.

– Маш, ну что за странные вопросы?

– Ну, ответь.

– Знаешь... – задумчиво проговорила Наташа. – Я была влюблена в Володю чуть ли не с первого класса. Знала, что он меня никогда не полюбит, такую толстую и уродливую. Но всё равно любила... и знаешь, о чём мечтала? Чтобы в армии он получил какое-нибудь серьёзное ранение, и стал бы не нужен другим, красивым девчонкам, и женился бы тогда на мне. Вот мой ответ на твой вопрос. А теперь скажи, почему ты спрашиваешь?

– Потому что мой муж инвалид, и у него больное сердце.

– Алёша? Не может быть!

– Но это так. И некоторые мои подруги считают, что я зря вышла за него, а раз уж имела глупость выйти, то, по крайней мере, не должна заводить детей.

– Маша, не слушай их! – с жаром проговорила Наташа. – Если, конечно, ты на самом деле его любишь, обязательно заводи детей, обязательно! И даже не сомневайся.

Маша улыбнулась.

– А я и не сомневаюсь. И мне приятно, что есть люди, которые думают так же, как я. А я уже не надеялась, что такие есть.

Наташа улыбнулась, обняла Машу и спросила:

– И почему мы с тобой в школе не дружили? Ты же ко мне хорошо относилась, не то, что другие.

– А ты думала, что это я из жалости, – ответила Маша. – Но нам еще не поздно стать подругами.

– Конечно, – радостно согласилась Наташа и добавила доверительно: – Я этого никому не рассказывала, но ты моя подруга, тебе – можно. Володя получил в армии контузию, и стал... неспособным. Понимаешь?

Маша кивнула и спросила удивленно:

– А... как же у вас ребёнок родился? И второй скоро будет...

– Светик был зачат искусственным путем, – ответила Наташа. – Мы специально ездили в Ярославль, в Кирове таких операций не делают. Нам очень повезло, получилось с первого раза, а некоторые даже по пять раз приезжают... Ну, а второго мы уже сами, – с гордостью добавила Наташа. – Знаешь, Машенька, я так люблю Володю, что готова для него на всё! И теперь у него иногда получается! Недавно он признался, что если бы не я, он давно спился бы.

– А когда он рассказал тебе о контузии? До свадьбы, или после?

– Да в первый же вечер, когда мы на танцах встретились после того, как он из армии пришел. Он выпивши был, но, как меня увидел, даже протрезвел. Не узнал, конечно, у друзей спросил, кто такая. А потом подошёл ко мне и сказал: «Ты что, на самом деле Наташка Приходько, или меня разыгрывают?» Я ответила: «Это я, Наташка Приходько». – «Как же ты вдруг такой красивой стала?» – спросил он. Я ответила: «Хотела тебе понравиться, потому что люблю тебя». – «Ну, так ты добила своего, ты мне нравишься, – сказал он. – Вот только я тебе сейчас вряд ли понравлюсь». – «Почему?» – удивилась я. Тут он и рассказал мне про контузию, и спросил: «Ну что, я тебе все еще нравлюсь?» – «Да», – ответила я. – «Что, и замуж за меня пойдёшь?» – спросил он. «Пойду», – ответила я, не раздумывая ни одной минуты. И ни одной минуты не пожалела, что вышла за него. Надеюсь, что и он не жалеет... Ладно, пойду, уложу Светика спать, уже поздно.

Наташа забрала малыша и ушла в другую комнату. Гости танцевали. Володя подошёл к Маше и пригласил на танец.

– Хороший у тебя муж, – сказал он.

– Я знаю, – ответила Маша.

– Я вчера видел с вами Лену Золотавину, – сказал Володя. – Как она поживает, и вообще, как у неё дела?

– А что же ты сам не поговорил с ней на встрече выпускников или вчера на танцах?

– Она не может простить меня за то, что женился не на ней, – ответил Володя. – И по этой причине с ней невозможно разговаривать.

– А почему ты женился не на ней? По-моему, она честно ждала тебя из армии. Ты очень обидел её своим недоверием, – сказала Маша.

– Ты не жила здесь, и не знаешь всего. Как-то, уже перед самым дембелем, я решил проверить Ленку... дурак, конечно, но у нас все ребята так делали... ну, и написал ей, что был ранен на учениях, и стал инвалидом. Так она на это письмо даже не ответила! А потом мне мама написала, что Ленка уже гуляет с другим. А когда я пришёл, она увидела, что я нормальный, не кривой и не хромой, сразу прибежала: «Володенька, я тебя так ждала! Я тебя так люблю!» Лицемерка!

Володя говорил с обидой в голосе, и Маша поняла, что он до сих пор равнодушен к Лене.

– Но твоя мама написала неправду. Ленка ни с кем не гуляла. Она только потанцевала с каким-то парнем, и всё. И хотела написать тебе, что ждёт тебя любого, но не успела, от тебя пришло письмо, в котором ты порвал с ней все отношения.

– Может, так оно и было, – с грустной усмешкой проговорил Володя. – Но я всё равно на ней не женился бы.

– Почему?

– Она не была бы счастлива со мной, – ответил Володя, затаенно вздохнув.

– Она и без тебя несчастлива.

Маша поняла, что Володя не захотел признаться Лене в том, что с ним случилось. Испугался, наверное, что она его бросит, и решил бросить первым.

– А ты счастлив с Наташей? – спросила Маша после недолгого молчания.

– Что за вопрос? Конечно, – Володя улыбнулся. – Если бы не она, не знаю, что бы со мной было... Она стала такая красивая, что могла бы выйти за любого, в сто раз лучше. Но выбрала меня.

Маша поняла, что Володя, несмотря на чувства, оставшиеся к Лене, искренне любит жену, и сказала:

– Я рада, что вы с Наташей счастливы.

*

Они возвращались домой в Золотавино поздно вечером. Лёшка был задумчив, и Маша спросила:

– Лёша, о чем грустишь?

– Маш, я тебе завидую, – ответил он. – У тебя такой дружный класс, так много хороших друзей... А я, как окончил школу, даже ни разу не был на встрече выпускников.

«Наверняка не потому, что в школе у тебя не было друзей, – подумала Маша. – Просто не хотел встречаться с Эллой».

А вслух сказала:

– Это мы сейчас дружные. А в школе почти не дружили. Например, Володька – тот вообще меня не замечал. А Наташка ни с кем близко не сходилась, не хотела, чтобы с ней дружили из жалости.

– Маша, я хочу, чтобы у нас родился сын, – сказал вдруг Лёшка, остановился, повернулся к ней, взял за плечи и заглянул в глаза. – Маш, у нас будет ребёнок?

– Конечно, будет, – ответила она с уверенностью, которой не чувствовала.

Маша вдруг вспомнила случай из детства. Ей тогда было лет семь. Соседи играли свадьбу, понаехало много гостей, и на ночь их расквартировали по всей деревне. К Веселовым на ночлег пришли три стареньких бабки. Об одной из них, бабе Наде из соседнего села, ходили слухи, что она ясновидящая. А по другим слухам, что она полоумная. Маша уже спала, когда бабульки пришли ночевать, но утром встретилась с ними. И эта баба Надя, едва увидев Машу, тыкнула в неё скрюченным пальцем и сказала: «Ты, девка, два раза замуж выйдешь. И будет у тебя по сыну от каждого мужа». Маша, конечно, не поверила, и сразу забыла о предсказании бабки. А сейчас память услужливо его подсунула.

«Двое сыновей от двух мужей, – подумала Маша. – Какая чепуха! Я не собираюсь замуж второй раз. И отцом всех моих детей будет Лёшка».

– Мне еще в семь лет одна ясновидящая сказала, что у меня будет двое детей, – добавила она.

– Хотел бы я ей верить, – вздохнул Лёшка.

– А я верю, – сказала Маша.

На самом деле она, конечно, не верила в предсказания бабы Нади, но сейчас была бы рада, чтобы сбылось хотя бы одно... про детей.

Они пошли дальше, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу. Шли молча, и Маша думала: «Пожалуй, одного нашего желания иметь ребёнка мало... Лёшкина мама забеременела в такой романтической обстановке... Может, и мне это тоже поможет?»

– Лёшка, помнишь, твоя мама рассказывала, как они с твоим отцом... настоящим отцом, целую неделю жили на природе вдалеке от цивилизации, – сказала она. – Речка, трава, солнце... и никого вокруг, будто они одни на всём белом свете... Я тоже так хотела бы пожить хоть немного. Это по-настоящему романтично...

– Я бы тоже хотел, – ответил Лёшка. – Только в наше время вряд ли можно найти такое место.

Недели через две после этого разговора Маша разбудила мужа рано утром:

– Собирайся, мы снова идём на природу.

– С Таней и Максимом? – уточнил Алексей. – Или еще с кем-то?

– Нет, сегодня одни. Советую позавтракать поплотнее, мы проведем там целый день. Да, и надень джинсы и рубашку с длинными рукавами.

Сама Маша уже была одета в джинсы и блузку с длинными рукавами, несмотря на то, что утро было тёплое. День обещал быть солнечным и жарким.

Маша долго думала, где найти такое место, где они с Лёшкой могли бы почувствовать себя единственными людьми на Земле, вспомнила про свой пляж, на котором никто никогда не бывает, кроме неё, и поняла, что это и есть такое место. Правда, Маша тоже очень давно не была там, но надеялась, что пляж еще цел.

Она уложила в сумку покрывало, полотенце, положила немного еды и воды, взяла Лёшку за руку и повела к речке.

– Ты говорил, что в наше время невозможно найти уединенное место, – сказала она. – Но одно такое точно есть. Я тебе его покажу.

Самое удивительное в том, что Машин пляж находился совсем недалеко от деревни, буквально в получасе ходьбы. Но попасть туда можно, только продравшись сквозь обширные заросли ивовых кустов, репейника и крапивы. Добраться по руслу речки туда тоже невозможно: сразу за перекатом шло илистое вязкое дно, а противоположный берег крутой и обрывистый. Над обрывом разросся чертополох, поэтому даже пастухи не гоняли там стада. Неудивительно, что никто, кроме Маши, не посещал этот пляж, и, по крайней мере, в радиусе километра вокруг не встретишь ни одного человека.

Когда они, наконец, добрались до пляжа, Маша увидела, что он почти не изменился, лишь стал чуть меньше, да поваленное дерево чуть глубже вросло в песок. Несмотря на это, Лёшка сразу узнал место.

– Маша, здесь всё, почти как в Моломе, где мы с тобой впервые встретились! – восхищенно проговорил он.

– Да, только здесь чуть теснее, чем там, – ответила Маша. – Зато гарантирую, что это – самое уединенное место на Земле. Мы можем делать здесь всё, что захотим. Я давно мечтала позагорать без купальника.

Она расстелила покрывало и сняла одежду.

Лёшка колебался одно мгновение.

– Ну, если ты гарантируешь... – сказал он, наконец, и тоже разделся.

Это было так же здорово, как в первый раз в пещере на берегу Моломы. Маша и Лёшка с неохотой покинули пляж поздно вечером, и то лишь потому, что на них напали комары. Они решили, что завтра снова придут сюда.

Но на следующий день с утра зарядил мелкий дождик, и сыпал целый день, потом появились какие-то дела, и до самого отъезда они так и не смогли выбрать время и снова сходить на Машин пляж.

*

Маша и Лёшка вернулись в город в середине августа – уезжать из Золотавино им не хотелось. Но Лёшке надо было пройти медицинское обследование перед началом учебного года.

Едва муж ушел в поликлинику, Маша тоже вышла из дома. Она направилась в женскую консультацию, и очень волновалась, потому что никак не могла поверить, что забеременела. Срок был небольшой, поэтому ничего определенного ей не сказали. Она только сдала анализы, результаты которых будут известны через неделю.

В одном из коридоров поликлиники Маша чуть не столкнулась с Лёшкой, но успела спрятаться за угол, и он прошел мимо. Она не хотела, чтобы он увидел её здесь и начал задавать вопросы. Когда он вернулся из поликлиники, она уже была дома, будто никуда и не уходила.

Маша не представляла, как переживет неделю неизвестности. Она стала рассеянной и задумчивой, постоянно вслушиваясь в себя, в свое состояние: не закружится ли голова, не

затошнит ли... Но никаких симптомов беременности не чувствовала, и это её беспокоило. Лёшка часто спрашивал, что с ней. Маше очень хотелось рассказать мужу, что она беременна. Но боялась говорить, пока не узнала точно, чтобы не расстраивать Лёшку понапрасну, если беременность вдруг не подтвердится.

Неделя тянулась, словно год, но, наконец, прошла. Лёшка всё еще ходил по врачам, и с утра снова ушёл в поликлинику. Маша опять вышла из дома следом за ним.

У кабинета врача она так волновалась, что ей чуть не стало плохо. Едва войдя в кабинет, Маша вопросительно уставилась на врача.

– Да не переживайте вы так, – сказала медсестра, коротко взглянув на неё. – Вы еще не поздно спохватились.

Врач неторопливо открыла карточку, просмотрела подклеенные там результаты анализов. Маша сгорала от нетерпения. Ну, когда же врач скажет, беременна она или нет?! В голове проносились всевозможные ответы, которые может дать врач. «К сожалению, Вы не беременны», – скажет она. Или: «Результаты спорные. Нужно сдать анализы еще раз». А может, всё-таки, она скажет: «Поздравляю, вы беременны».

А врач всё молчала, записывая что-то в карточку неразборчивым почерком. Наконец, взглянула на Машу и буднично спросила:

– Будете рожать, или выписать направление на аборт?

– Конечно, буду рожать! – возмущённо ответила Маша. Как её смеют подозревать в том, что она хочет избавиться от ребёнка?!

Маше назначили следующую дату посещения консультации, и она, счастливая, вышла из кабинета, хотя никаких признаков беременности по-прежнему не чувствовала.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Маша вдруг столкнулась с Лёшкой. Он шёл, опустив голову, с хмурым выражением лица, и держал в руках какие-то листки. Маша не хотела встречаться с ним здесь, и он прошёл бы мимо, даже не заметив её. Но она остановила его, обеспокоенная его хмурым видом.

– Лёшка, что случилось? Что-то не в порядке?

– Нет, просто они потеряли мои анализы, – ответил он, показав листки. – Придётся снова сдавать... Маш, а ты почему здесь? – запоздало удивился он. – Что с тобой? Ты заболела?

– Не волнуйся, я здорова, – улыбнулась Маша. – Я ходила в женскую консультацию.

– Хотела узнать, можешь ли иметь детей? А почему одна? Возможно, это я виноват...

– Да ни в чем ты не виноват, Лёшка! – засмеялась Маша. – Мы оба можем иметь детей. И девяти месяцев не пройдёт, как ты станешь папой. А я мамой.

– Маша, неужели?.. – несмело проговорил Лёшка.

– Да, да! – радостно кивнула Маша. – Скоро у нас будет малыш!

Маша стояла на две ступеньки выше Лёшки, и смотрела на него сверху вниз. Его лицо озарилось радостной улыбкой. Лёшка обнял Машу, уронив направления, и они веером разлетелись по лестничному пролету.

Они стояли на ступеньках и самозабвенно целовались, а люди шли мимо вверх и вниз. Кто-то улыбался, кто-то недовольно ворчал: «Нашли место!». Маша и Лёшка никого не замечали.

– Ой, твои направления, – сказала Маша, когда они, наконец, оторвались друг от друга, и увидели, что некоторые листочки затоптаны.

– Ерунда. Выпишут новые, – махнул рукой Лёшка. – Но это завтра. А сегодня мы будем праздновать. Куда пойдём?

– В кафе «Мороженое», – сказала Маша, и они, взявшись за руки, выбежали на улицу.

Они ели мороженое и улыбались друг другу. Маша смотрела на Лёшку и думала: «Как же я его люблю! Но если верить бабе Наде, чтобы родить второго ребёнка, я должна буду полюбить другого мужчину? Нет, это невозможно».

Никакой второй любви у неё никогда не будет, Маша в этом не сомневалась.

*

Срок родов был назначен на седьмое мая. Маше очень хотелось сделать такой подарок мужу в его день рождения, хотя она была уверена, что врач ошиблась в определении срока. Маша попыталась поспорить с врачом, сказав, что по её расчетам выходит на две недели раньше – двадцать третьего апреля. Но врач авторитетно ответила:

– Женщина, мне, наверное, лучше знать.

Маша не стала спорить, хотя знала, что права. Она была почти на сто процентов уверена, когда именно забеременела.

Но думать о предстоящих родах особенно было некогда: Маша торопилась сделать по возможности большую часть дипломного проекта до этого события. Маша, Лёшка и Сергей приходили на консультации по проекту в один день. У них были разные темы и разные руководители, но Сергей нарочно выбрал тот же самый день, что и Морозовы. Ему хотелось хотя бы раз в неделю видеть Машу и Лёшку.

Двадцатого апреля они втроём долго засиделись в институте, обсуждая свои проекты. Говорили, в основном, Сергей и Лёшка, а Маша иногда вставляла несколько слов, но всё реже и реже, а потом и вовсе замолчала.

Вдруг Сергей услышал, как Маша вздохнула. Лёшка тоже услышал, и спросил взволнованно:

– Что с тобой, Маша?

– Не знаю... Вроде бы всё нормально. Только как-то тяжело... Будто ребёнок стал весить больше в два раза, – попыталась пошутить она.

– Может, поедem домой? – спросил Лёшка. – Надо было сразу сказать, мы не стали бы задерживаться.

– Не хотелось прерывать вашу беседу, – ответила Маша, и обернулась к Сергею. – Извини, Серёж, мы пойдём.

– Да, конечно, – кивнул тот. – Мне тоже пора.

Они вместе спустились в гардероб. Там Маша села на скамейку и сказала сдавленным голосом:

– Ребята... я не могу идти... так больно... Кажется, начинаются роды...

– Но еще две недели до срока, – проговорил Лёшка, сразу побледнев. – Что же делать?

Сергей понял, что он растерялся, и взял инициативу в свои руки.

– Лёшка, сядь рядом с Машей, – приказал он. – Сидите, и не волнуйтесь. Я сбегаю к телефону, вызову «Скорую». Не волнуйтесь, – повторил Сергей. – Всё будет хорошо.

Через полчаса все трое приехали в роддом, но мужчин, конечно, дальше фойе не пустили. Перед тем, как войти в приёмный покой, Маша шепнула Сергею:

– Серёжа, пожалуйста, не оставляй Лёшку одного, пока я буду здесь. Он очень волнуется, боюсь, как бы ему не стало плохо.

Сергей и без Маши видел, что Лёшка едва не теряет сознание от волнения, и заверил:

– Не беспокойся, я побуду с ним.

Машу увели в приёмный покой, а Сергей и Лёшка вышли на улицу. Лёшка сел на скамейку в сквере у больницы, и закрыл лицо руками.

– Что с тобой? – Сергей сел рядом.

– Ничего, – тихо ответил Лёшка. – Я просто боюсь за Машу.

– Успокойся, всё будет нормально. Идем, провожу тебя до дома.

– Я никуда не пойду, – неожиданно твёрдо сказал Лёшка, подняв голову. – Я буду ждать здесь, пока не родится ребёнок, и пока не узнаю, всё ли в порядке с Машей и малышом.

– Лёшка, она, возможно, родит только утром, – возразил Сергей. – Мы не можем сидеть здесь всю ночь!

– А ты можешь и не сидеть. Но я не уйду.

– Ладно, пойдём, посидим в фойе, – сдался Сергей. – Там, по крайней мере, не холодно.

И они сидели в фойе до утра, и говорили о Маше. Несколько раз они подходили к окошку дежурной медсестры, чтобы узнать, не родила ли она. Им отвечали, что еще нет, и Лёшка все больше волновался. Сергею даже пришлось попросить у медсестры валерьянки и валидола для будущего отца.

Друзья не были одинокими ожидающими в фойе роддома. Пока они сидели там, привезли, по крайней мере, еще пять будущих мам, а будущие отцы так же ожидали результатов, с волнением вышагивая по фойе туда и обратно. То одному, то другому говорили, что у него родились дочка или сын, и счастливый папаша вприпрыжку убегал сообщать новость родным. И только Маша всё еще не родила.

Наконец, в пять утра медсестра сообщила, что Мария Морозова родила мальчика весом в три килограмма. Мама и сын в порядке.

Сергей радовался рождению ребёнка Маши ничуть не меньше Лёшки, он лишь немного жалел, что родился не его сын. А Лёшка всё повторял:

– Серёжка, я стал папой, представляешь, я! А я считал, что это невозможно. Ты не можешь себе представить, Серёжка, как я счастлив!..

Сергею с трудом удалось увести друга из роддома, он никак не хотел уходить, не увидев жену и сына, но им сказали, что Маша сможет подойти к окну только после двенадцати часов дня. Лёшка собирался дожидаться этого прямо здесь, и согласился уйти, только когда Сергей сказал:

– Да ты посмотри на себя! Бледный, как тень, глаза красные... Тебя нельзя показывать Маше в таком виде, иначе она разволнуется, и у неё молоко пропадёт. Тебе надо поесть и хоть немного отдохнуть.

Лёшка согласился. Сначала они поехали в общежитие, и сообщили всем однокурсникам радостную новость, а потом Сергей на такси отвез Лёшку домой, и сидел с ним, пока не подошло время снова ехать к Маше. Он же обещал, что будет с ним...

Ровно в двенадцать часов счастливый и радостный отец стоял у роддома с огромным букетом цветов и ждал, когда Маша появится в окне второго этажа. А Сергей, чтобы не мешать, стоял поодаль, за деревьями и снова жалел, что не он находится на Лёшкином месте.

*

Элла сидела в вагоне поезда, отъезжающего с вокзала под «Прощание славянки». Точно так же, всего четыре года назад, теплым апрельским вечером она сидела в поезде, увозящем её в Москву. Но тогда она ехала к любимому человеку, а сейчас её ждала неизвестность. Никто не провожал Эллу, но она смотрела в окно, ничего там не видя из-за застывших слёз. А перед внутренним взором, как на экране, проносились события последних пяти месяцев.

*

В конце декабря к Элле пришел Стас, как ни странно, трезвый, хотя следы длительного запоя виднелись на его лице. Но он был побрит, и аккуратно одет. И всё равно уже не походил на того русского былинного богатыря, который Элле нравился в школе. Он стал будто ниже ростом, плечи ссутулились, блеск в глазах потух, он казался лет на десять старше своих двадцати четырёх.

– Чего надо? – недружелюбно спросила Элла.

– Дочку... хочу повидать, – ответил Стас, скромно топчась у порога в прихожей.

– Ты бы еще позднее пришёл, – проворчала Элла. – Спит она уже. В следующий раз повидаете. Денег принёс?

– Да. Вот, – Стас достал из кармана тоненькую пачку купюр и протянул Элле.

Она взяла, пересчитала и сказала раздраженно:

– Как, по-твоему, мы на это должны жить?

– Так... сколько могу... – виновато проговорил Стас и добавил: – Лялечка, давай снова вместе жить. Я пить брошу... работать устроюсь. И у нас всё будет, как раньше.

– И не мечтай, – отрезала Элла. – Я два раза на одни и те же грабли не наступаю.

– Элла, прошу тебя, дай мне еще один шанс!

– Нет, – отрезала она, вытолкнула бывшего мужа на площадку и захлопнула дверь перед его носом.

Это был последний раз, когда Элла видела Стаса. Через пару недель она узнала, что он напился, заснул в снегу, и замёрз. На похороны она не ходила, плакать слёз не было. Осталось лишь сожаление, что теперь Стас уже не будет приносить денег. Пусть мало, пусть нерегулярно, но все же это были деньги. Работая няней в детском комбинате, Элла получала очень маленькую зарплату. Пришлось устроиться, чтобы получить путёвку в ясли для Алисы.

А в феврале тысяча девятьсот восемьдесят шестого года мать Эллы заболела воспалением легких. Не прошло и месяца, как она умерла. Элла осталась одна с двухлетней дочкой на руках.

Она поняла, нужно срочно что-то менять. Продолжая работать няней, она дочку не прокормит. А надо еще и одевать её, и самой одеваться, и за квартиру платить.

«Я еще так молода, мне в июне исполнится лишь двадцать три, – думала Элла. – Но кто на меня сейчас посмотрит, если у меня нечего надеть? Так и пройдет вся молодость, в стоптанных туфлях и с ребёнком на руках. Я должна что-нибудь сделать, чтобы изменить свою жизнь, должна!»

Элла решила уехать в Москву. Уволилась с работы, Алису пристроила в детский дом, временно, пока не наладит жизнь в Москве. Может быть, на полгода, или год, думала она. Чтобы более или менее прилично одеться, купить билет до Москвы и чтобы осталось денег на первое время, Элле пришлось распродать всю мебель и технику, и за большую сумму прописать семью сына соседки, то есть практически продать им квартиру. Квартира в Кирове уже была не нужна Элле, она не собиралась возвращаться. На эти деньги она рассчитывала приобрести кооперативное жильё в Москве.

Алиса уже жила в детском доме, пока Элла занималась распродажей, но она регулярно приезжала, и проводила с дочерью каждое воскресенье.

Прощаясь с Алисой в конце апреля того же года, Элла старалась не плакать, чтобы не расстраивать дочку. Прежде, чем уйти, она провела с девочкой почти весь день, купила красивую большую куклу, они ели мороженое в кафе и смотрели мультики в кинотеатре, а потом Элла повезла Алису обратно в детский дом.

– Это будет моя дочка, как я у тебя, – сказала девочка, прижимая куклу к себе, когда они ехали на автобусе к детскому дому.

– Конечно, – согласилась Элла.

– Мама, а откуда берутся дети? – вдруг спросила Алиса.

– Одних приносит аист, других находят в капусте, – шутиливо ответила Элла. – Но чаще их покупают в магазине.

– А я у тебя откуда? – поинтересовалась Алиса.

– Из магазина, – ответила Элла.

– В магазине продаются только куклы, – не поверила девочка, приняв шутку мамы за чистую монету.

– Есть такой специальный магазин, в который до восемнадцати лет не пускают, – пояснила Элла.

Когда они вошли в фойе детского дома для дошкольников, Элла сказала дочери:

– Моя милая девочка, мама должна уехать. Некоторое время я не смогу приходить к тебе. Недолго, ты даже соскучиться не успеешь. А потом я приеду и заберу тебя насовсем. Ладно?

– Ладно, – кивнула Алиса.

– Здесь, как детском садике, даже лучше, – сказала Элла, убеждая в этом скорее себя, нежели дочь. – Тебе же здесь нравится?

– Угу, – снова кивнула Алиса, занятая своей куклой.

– Когда я вернусь, мы с тобой поедem в большой красивый город, – начала рассказывать Элла. – Там у нас будет уютная квартира, у тебя будет много-много игрушек... Ты не скучай, хорошо?

– Я скучать не буду, у меня теперь есть дочка, – ответила Алиса, показав на куклу, и добавила: – А когда ты меня заберешь отсюда, мы сходим в тот магазин, где покупают настоящих детей, и ты купишь мне братика или сестричку?

– Конечно, – пообещала Элла. – Ну, пока, доченька?

– Пока, мамочка, – ответила Алиса.

Девочка не плакала, наверное, не понимала, сколько времени придётся пробыть в этом новом круглосуточном детском саду. Хотя для своего возраста – Алисе не хватало трёх месяцев до трёх лет – она была хорошо развита, умела говорить, рассуждать, считать до десяти, и выговаривала все буквы, кроме «Р». «В меня пошла, – с гордостью думала Элла. – Мама рассказывала, что я тоже рано начала говорить».

Она рассчитывала, что не больше, чем через год сможет забрать дочь из детдома.

Воспитательница увела девочку в группу. Элла ушла, глотая слёзы, и только в поезде позволила себе расплакаться по-настоящему.

– Что с тобой, милая? – участливо спросила попутчица, хорошо одетая ухоженная женщина средних лет, представившаяся Тамарой Захаровной.

И Элла, вывалив на попутчицу все свои несчастья, сразу почувствовала себя лучше. Успокоилась и вытерла слёзы.

– Что ребёнка оставила в детдоме, нехорошо, – сказала женщина, когда Элла закончила рассказ о своей жизни. – И что квартиру отдала, тоже. За те деньги, что ты за неё получила, в Москве никакого жилья купить не сможешь, этого мало. Хватит только на какое-то время, чтобы комнату снять.

– Что же мне тогда делать? – Элла снова едва не заплакала.

Она столько надежд возлагала на эти деньги! Что же теперь, возвращаться? И вернулась бы, да некуда, в квартире живут другие люди, и обратно вряд ли отдадут её за ту сумму, которую сами заплатили.

– Но в остальном я тебя понимаю, – добавила Тамара Захаровна. – Я тоже в своё время в Москву счастье искать поехала.

– И нашли? – спросила Элла.

– Нашла, – кивнула женщина. – Вышла замуж, детей родила и вырастила, двадцатый год в Москве живу. И тебе, чем смогу, помогу.

– Правда? – обрадовалась Элла. – Спасибо.

Она размечталась, что эта добрая женщина возьмёт её к себе жить, пропишет в своей квартире, поможет устроиться на хорошую работу, а вскоре Элла встретит богатого и красивого мужчину с квартирой, который на ней женится.

Но на деле перспективы оказались не столь радужными. Тамара Захаровна, когда они вышли из вагона на вокзале в Москве, к себе Элле не повезла, только дала записку и объяснила, куда ехать и кому эту записку отдать.

– Ну, удачи тебе, Эллочка, – сказала она на прощание. – Я с этого же начинала.

– Спасибо. До свидания, – ответила разочарованная Элла, и пошла на автобусную остановку.

*

Первый день лета Маша и Алексей встретили только вдвоём. С тех пор, как родился Радик, а Алексей вышел на работу, оставалось в разы меньше времени побыть вдвоём, и они

были рады, когда Екатерина Сергеевна и Павел Кузьмич предложили посидеть с внуком весь день. День стоял солнечный, тёплый, и Маша с Лёшкой гуляли по городу вдвоём, наслаждаясь свободой. Покатались на каруселях в парке, посидели в кафе «Мороженое», сходили в кино, потом сели на первый попавшийся автобус и поехали до конца.

Так они оказались за рекой, в районе Коминтерн, где до этого ни он, ни она ни разу не были. Казалось, что попали в другой город, настолько всё здесь было незнакомо. Лёшка и Маша с увлечением принялись исследовать новый для них район.

У трёхэтажного желтого здания, окруженного парком, они остановились. В парке на детской площадке играли дети трёх-четырёх лет. Маша и Лёшка решили, что это детский сад, и остановились посмотреть на детей, мечтая о том времени, когда Радик станет таким же большим. А пока ему только год и месяц, и он лишь недавно научился ходить и говорить первые слова.

Дети играли. Одни деловито строили что-то из песка, другие качались на качелях, третьи бегали вокруг беседки. Несколько девочек в беседке играли в куклы. Воспитательница сидела на скамейке под деревом и читала книгу, изредка бросая взгляд на детей и делая замечания:

- Илья, не сыпь песок на голову Владику!
- Вова, помоги Оле сойти с качели.
- Наташа, за что ты стукнула Машу? Сейчас же извинись!
- Света, Миша, ну куда, куда вы пошли?

Вдруг одна девочка, сидевшая на скамейке поодаль от других детей, с большой куклой в руках, посмотрела в сторону Алексея и Маши, вскочила и побежала к забору с радостным криком:

- Мама! Это моя мама пришла!

В порыве нежности к белокурой симпатичной девчужке Маша шагнула к чугунной решетке, но тут подбежала воспитательница.

– Алиса, ты ошиблась, это не мама, а чужая тётя, – она взяла девочку за руку и повела к группе. Сделав два шага, она обернулась к Алексею и Маше. – Ну, что стоите? Уходите отсюда!

Но Маша словно остолбенела, глядя вслед девочке с куклой.

«А если бы это на самом деле была моя дочь?» – подумала она и взглянула на Алексея.

Он стоял бледный, прикусив губы, глаза потемнели, как от боли, и он тоже, не отрываясь, смотрел вслед Алисе.

– Лёшка, что с тобой? – испугалась Маша, потянула его к скамейке, усадила, сама села рядом. – Что случилось? Тебе плохо? Что болит?

– Маша, – взволнованно проговорил он вместо ответа. – Мы должны взять её... мы должны забрать Алису отсюда... удочерить...

– Лёша, успокойся...

– Я не успокоюсь, пока эта девочка не станет нашей дочкой!

Теперь и Маша поняла, что случай привел их к детскому дому. Алексей понял это раньше.

– Лёша, не волнуйся. Я тоже очень хочу забрать её отсюда, – сказала Маша. – Она же назвала меня мамой!

– Сегодня же! Сейчас!

– Лёшка, кто нам отдаст ребёнка прямо сейчас? Но зайти и узнать условия удочерения можно.

– Тогда чего мы ждём? Идём скорее!

Они обошли здание, и вошли в просторное фойе через парадный вход.

– Вы ко мне? – удивленно спросила директриса дошкольного детского дома, когда Алексей и Маша вошли к ней в кабинет.

– Да. Мы хотим удочерить девочку, – сказал Алексей.

– Вы? – еще больше удивилась директриса, недоверчиво взглянув на посетителей. – Да вам лет по семнадцать, сами еще дети. Когда школу окончите, поженитесь, тогда и приходите. А когда поженитесь, вам будет не нужен чужой ребёнок.

Маша поняла, выглядят они с Лёшкой намного моложе своих лет и очень несерьёзно: он в джинсовых шортах и рубашке, она в топе без бретелек и короткой юбочке-ламбадейке. А что вы ожидали в такой жаркий летний день?

– Нам не по семнадцать, а по двадцать четыре года, мы давно женаты, и у нас уже есть ребёнок, – сказал Алексей. – К сожалению, паспортов мы с собой не взяли...

– Но нам нужна эта девочка... мы нужны ей, она увидела во мне свою маму, – добавила Маша.

– Мне понятен ваш порыв, – ответила директриса. – Но нельзя подчиняться сиюминутному желанию. Чужой ребёнок – это большая ответственность. Идите домой, и подумайте, действительно ли вы этого хотите. А если не передумаете, приходите через неделю с документами, и тогда посмотрим, что можно сделать.

– А какие нужны документы? – спросила Маша.

– Я дам список, – директриса достала из ящика письменного стола листок и протянула Маше.

– Спасибо, до свидания, – ответили Алексей и Маша, и вышли на улицу.

Алексей развернул листок, прочитал список и схватился за голову:

– Нам и за месяц не справиться с этим! – воскликнул он с отчаянием.

– Лёшка, ты хочешь, чтобы Алиса стала нашей дочкой? – жестко спросила Маша.

– Хочу, конечно.

– Тогда не раскисай! Возьмёшь на работе отпуск за свой счёт на неделю, и мы всё успеем. А Маша пока не работала – была в отпуске по уходу за ребёнком до полутора лет.

– И еще подумай, как мы сообщим родителям о нашем решении удочерить девочку, – добавила Маша.

– Мама и папа нас поймут, – уверенно сказал Алексей.

Они снова прошли мимо детской площадки. Дети играли в «третий лишний», весело крича и смеясь. Девочка с куклой стояла поодаль. Воспитательницы не было видно. Маша подошла к забору и тихо позвала:

– Алиса!

Девочка подошла. Она была такая хорошенькая, что Маша её сразу полюбила.

– Почему ты не играешь с ребятами? – ласково спросила Маша.

– Меня наказали, – ответила Алиса. – А ты, правда, моя мама?

– Да, – сказала Маша без всяких колебаний и указала на Алексея. – А это твой папа.

– Папа, – девочка взглянула на Алексея, и улыбнулась.

– Скоро мы заберём тебя отсюда, – пообещал Алексей и добавил: – Какая у тебя кукла красивая.

– Конечно, это же мама её мне подарила, – ответила Алиса, взглянув на Машу.

– Алиса! Ты опять у забора! – закричала воспитательница. – А вы что опять тут делаете? Ну-ка, идите отсюда!

– Беги, играй, – сказала Маша девочке. – Скоро мы придём за тобой.

*

С родителями проблем не возникло, они были не против удочерения девочки, а вот сбор документов доставил немало хлопот. Но за неделю Маша и Лёшка управились, и снова явились в детский дом. Директриса детского дома, Антонина Петровна, уже не смотрела на них так недоверчиво, как в первый раз, потому что Алексей в костюме-тройке, и белой рубашке с галстуком, и Маша в строгом деловом платье выглядели более чем представительно. В них с трудом можно было узнать тех мальчишку и девчонку, что приходили неделю назад.

Узнав, какую девочку они хотят назвать своей дочкой, директриса сказала:

– К сожалению, эта девочка не подлежит удочерению.

– Как?! – удивилась и огорчилась Маша.

– Если она больна, это не имеет никакого значения, мы всё равно хотим её удочерить!

– добавил Алексей.

– Алиса здорова, но она не сирота, у нее есть мать, и она официально не отказывалась от дочери, наоборот, хотела забрать через год, – пояснила Антонина Петровна. – Но прошло больше года, а от неё никаких известий... Да если бы отказ был, Алису давно удочерили бы, она же такая симпатичная девочка. Девять из десяти пар, которые приходят выбирать ребёнка, указывают на Алису. А она каждый день ждёт маму. А мамаша даже не пишет.

– И что же, пока нет отказа матери, мы не можем забрать её? – спросил Алексей.

– К сожалению, это так, – кивнула Антонина Петровна. – Ребёнок считается сиротой после пятилетнего отсутствия родителей.

– Это несправедливо! – возмутился Лёшка. – Алиса признала нас своими родителями!

Директриса, видя, что молодые люди искренне огорчены, сказала, желая их немного утешить:

– Обещаю, если отказ будет, я вам сразу сообщу, и не буду показывать девочку другим удочерителям.

– А если она не откажется? – спросила Маша. – Нам и Алисе придётся ждать еще четыре года?

– Не четыре, а только три, – уточнила Антонина Петровна. – Когда ребёнку исполняется семь лет, мы передаем его в школу-интернат. Но перед этим пытаемся разыскать его родителей или каких-либо родственников, если за это время они сами не объявятся. Если не можем найти близких, а другие родственники отказываются брать опеку над ребёнком или их нет, мы оформляем сиротство досрочно, и тогда ребёнка можно усыновить или удочерить. Алисе скоро четыре года. Через три года она пойдёт в школу-интернат.

– Всё равно это долго, – вздохнула Маша. – Три года, или четыре – нет большой разницы. Алиса надеется, что уже завтра будет жить с мамой и папой.

– Вижу, вы хорошие люди, – сказала Антонина Петровна после недолгого раздумья. – Я попробую помочь вам и Алисе. Её мать уехала в Москву, адреса не знаю, но мы пошлём запрос и попытаемся её разыскать сейчас, не дожидаясь, когда Алисе исполнится семь.

Маша и Алексей ушли из детского дома в подавленном настроении. Алексей был так расстроен, что едва добрался до дома, а потом несколько дней чувствовал себя плохо.

А Маша мысленно молилась, хотя не верила в Бога: «Боже, помоги нам, помоги Алисе, пусть её мать найдётся поскорее и откажется от неё, и тогда девочка станет нашей дочкой!»

*

Элла привычно постучала в дверь номера.

– Уборка номеров! Можно войти?

– Да, входите, – услышала мужской голос с иностранным акцентом и открыла дверь.

Сменщица Эллы сообщила, что в этом номере вчера поселился француз, какой-то богатый бизнесмен, и, возможно, неженатый, так как у него нет на руке обручального кольца. При всём этом он неплохо говорит по-русски. «Все они неженатые, когда в командировке», – усмехнулась Элла.

Она работала горничной в «Интуристе» год и месяц – именно туда направила её попутчица из поезда, Тамара Захаровна, и жила в общежитии для лимитчиков. Зарплату получала небольшую, но подруги по работе рассказывали, что иногда заезжие иностранцы влюбляются в горничных и увозят их с собой за границу. У Эллы, хором говорили они, очень много шансов выйти замуж за иностранца, потому что она не просто хорошенькая, как другие горничные, а настоящая красавица.

Но прошёл год, а иностранцы не горели желанием жениться на Элле – только за проведенную с ними ночь обещали много денег. Она не хотела зарабатывать таким способом, да и с работы могли выгнать, если бы узнали.

А потому Элла взглянула на француза без всякого интереса, к тому же он был маленького роста, толстый и некрасивый. Она принялась пылесосить ковры, не замечая, как француз пожирает её глазами. Закончив приборку и заменив полотенца и простыни, Элла собралась перейти в следующий номер.

– Подождите, мадемуазель, – подошел к ней француз. – Можно задать вам один вопрос? Вы такая красавица, а работаете горничной. Неужели в России так мало ценят красоту?

Вступать в разговоры с постояльцами горничным было запрещено, и Элла сказала:

– Извините, мне нужно работать.

– Мадемуазель, выходите за меня замуж, – сказал вдруг француз.

– Что?! – не поверила Элла.

– Выходите за меня замуж. Я не шучу, я совершенно серьезно. Вы меня очаровали. Как вас зовут?

– Элеонора, – прошептала пораженная Элла.

– А как вас называют друзья?

– Элла...

– А я – Жан-Жак Пикар. Элла, я приглашаю вас сегодня в семь на ужин. Придёте?

– Да, – согласилась она. Это тоже было против правил, но в семь она уже будет не на работе, и вольна делать, что хочет.

– Я буду ждать вас с нетерпением, Элла, – сказал Жан-Жак.

Они договорились встретиться в ресторане недалеко от гостиницы, и Элла вышла из номера, как в тумане. Она не помнила, как прибиралась в остальных номерах на своём этаже, как дождалась сменщицу.

– Элка, что это с тобой? – удивилась Валя, заметив, что подруга витает в облаках.

– Представляешь, тот француз из четыреста сорок четвертого номера предложил мне замуж, – ответила Элла. – Теперь не знаю, что делать...

– Как что?! Выходить, конечно! – с жаром сказала Валя.

– Да дело в том, что у меня есть маленькая дочь! – вздохнула Элла. – А что, если он узнает, и откажется жениться?

– А ты не говори про дочь, – посоветовала подруга. – Она у тебя где?

– У меня на родине, в Кирове, в детском доме, – снова вздохнула Элла. – Я уже больше года её не видела...

– Вот что, дам я тебе адресок одного юриста, – сказала Валя. – Он поможет написать в детдом отказное письмо, и сменить паспорт, в котором у тебя не будет никакой дочери. Не бесплатно, конечно.

– Но я не хочу от неё отказываться! – возмутилась Элла.

– Ну, тогда и работай горничной до самой пенсии, и всё равно не сможешь забрать дочку из детдома! Пойми, Элка, от такого шанса нельзя отказываться! А детей и других родить можно, или потом эту забрать, куда она из детдома денется?

«Я плохая мать, – подумала Элла. – У меня самой такая мысль возникала... Валька права, работая горничной, я никогда не смогу забрать Алису из детдома. Больше года уже прошло, а у меня по-прежнему денег даже на первый внос за кооператив не хватает... Если не откажусь от дочери, Жан-Жак на мне не женится, и тогда нам обоим будет плохо... Я должна от неё отказаться... Ради себя и ради неё. А потом, как-нибудь постепенно, расскажу Жан-Жаку про Алису и заберу её из детдома».

– Давай адрес твоего юриста, – сказала она Вале.

Вечером Элла встретила с Жан-Жаком Пикаром в ресторане. Чтобы не упасть в грязь лицом перед французом, она потратила кучу денег, чтобы купить дорогое вечернее платье и туфли, и сделать причёску в парикмахерской. Она очень боялась, что Жан-Жак передумает на ней жениться.

Но он, едва они сели за столик, достал из кармана футлярчик с кольцом и вручил Элле.

– Элла, вы согласны стать моей женой?

– Я, право, не знаю, – замялась она, понимая, что соглашаться сразу не очень прилично.

– Это так неожиданно... Мы совсем не знаем друг друга...

– Вы красавица, Элла, и мне о вас знать больше ничего не нужно, – ответил Жан-Жак. – А о себе я расскажу всё, что хотите знать. Спрашивайте.

Элла решила задать только пару ничего не значащих вопросов, состоянием Жан-Жака поинтересоваться постеснялась. Но, судя по кольцу, которое подарил Элле, он богат с большой долей вероятности, а, по меньшей мере, не беден. Да, сказал он, отвечая на её первый вопрос, у него русские корни, его прадед был русским эмигрантом. Но русский язык он знает не поэтому, а просто выучил, для работы с российскими партнёрами, чтобы не прибегать к услугам переводчиков при частом общении. Нет, сказал он, отвечая на второй вопрос, он не ставил цель найти в России невесту. Просто увидел Эллу, влюбился с первого взгляда и решил, что должен на ней жениться, если, конечно, она согласится.

– Так вы согласны? – снова спросил Жан-Жак, когда Элла задала свои вопросы, а он на них ответил.

– Я должна подумать, – сказала Элла.

Она всё давно решила, но нужно время, чтобы утрясти дела с отказным письмом и паспортом.

– Понимаю, – улыбнулся Жан-Жак. – Посоветоваться с мамой, и все такое.

– Нет. У меня нет родственников, – ответила Элла, опустив глаза. – Просто нужно подумать.

– Я, конечно, не красавец, – сказал Жан-Жак. – Может, вы думаете, что я вам не пара. Но поверьте, у меня есть, что предложить вам, Элла.

– Ну что вы... вы очень... симпатичный... и мне нравитесь... – выдавила Элла, стараясь, чтобы слова не звучали фальшиво. – Мне, правда, надо немного подумать... и уладить кое-какие дела... С работы уволиться...

– Хорошо. Две недели хватит? Именно столько времени я собираюсь провести в Москве, – ответил Жан-Жак.

– Я не знаю, – растерялась Элла.

Она на самом деле не представляла, сколько времени займёт выправление нового паспорта.

– Не беспокойтесь, моя дорогая Элла, и можете думать, сколько хотите, – улыбнулся Жан-Жак. – Теперь я без вас никуда не уеду.

*

Может быть, молитвы помогли, а может, просто повезло, но не прошло и двух недель, как из детского дома позвонили, и сообщили, что мать Алисы прислала официальный отказ от ребёнка. Антонина Петровна сказала, что не пришлось даже делать запрос – мать Алисы сама прислала отказное письмо.

Но возникло другое препятствие: оказалось, метраж квартиры не позволяет Морозовым удочерить девочку, так как они живут с ребёнком и родителями Алексея впятером в двух комнатах. Алексей и Маша приуныли было, но выручили родители:

– Не расстраивайтесь, – сказал Павел Кузьмич. – Мы с Катей не хотели вам говорить, думали сделать сюрприз, но раз такое дело... в общем, мы строим вам кооператив. В конце лета дом сдадут, и у вас будет своя двухкомнатная квартира.

– А чтобы вам поверили, мы взяли гарантийное письмо от директора строительной организации, – добавила Екатерина Сергеевна.

Таким образом, проблема была решена, и через месяц разрешение на удочерение от властей было получено. Директриса детского дома вручила новоиспеченным родителям папку с документами Алисы, которые они должны сами переоформить. В папке были свидетельство о рождении девочки, медицинская карта, решение суда о том, что препятствий к удочерению Алисы нет.

Алексей открыл папку и взял в руки свидетельство о рождении. Маша вдруг заметила, как он побледнел, и руки задрожали.

– Вы можете забрать Алису в любое удобное для вас время, – сказала Антонина Петровна.

– Да. Спасибо, – ответил Алексей. – Мы придём за ней... завтра.

И он потянул Машу к выходу.

– Лёшка, в чём дело? Мы же хотели забрать её сегодня, – сказала Маша, когда они вышли на улицу.

Он вместо ответа выронил папку с документами и закрыл лицо руками. Маша подобрала папку и спросила:

– Лёшка, что случилось? Тебе плохо?

Он помотал головой, не в силах говорить, и только через несколько минут смог ответить:

– Маша... Алиса – дочь Эллы.

– Какой Эллы?.. Ах, Эллы, – Маша вспомнила последнюю встречу с Элеонорой в сентябре восемьдесят четвертого. – И что?

– Она дочь Эллы, ты что, не понимаешь?

– Я всё прекрасно поняла, Лёшка. Ты передумал удочерять Алису, потому что она дочь твоей бывшей невесты?

– Почему передумал? – быстро возразил Алексей. – Я не передумал. Я думал, это ты не захочешь удочерять ребёнка Эллы...

– То, что Алиса – дочь Эллы, для меня не имеет никакого значения, – ответила Маша.

– Она родителей не выбирала, и не виновата, что у нее такая мать. Кстати, Алиса теперь моя дочь, и я не собираюсь от неё отказываться.

Алексей взглянул на Машу с бесконечной любовью и благодарностью. А она добавила:

– Может, не стоит ждать до завтра, а заберём её сегодня?

– Конечно, – согласился он. – Алиса и так ждёт почти два месяца.

ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Декабрь 1986 – сентябрь 1988гг.

Галя вертелась перед большим зеркалом в своей комнате и не могла наглядеться на себя, так она себе нравилась в роскошном свадебном платье. Подруги дружно восхищались платьем и фатой, помогая невесте одеваться и причёсываться.

– Сядь ты, наконец, – сказала Света. – А то останешься без причёски.

Галя села на стул, тщательно расправив платье, чтобы не смять. Света подошла к ней и начала причёсывать.

– Счастливая, Галинка, – вздохнула Вера. – Выходишь замуж... А я, наверное, так и останусь старой девой.

– Ты что, разве всё еще девочка? – удивилась Галя.

– А ты разве нет?? – еще больше удивилась Вера.

– Конечно, нет, – ответила Галя и добавила: – Мне уже не пятнадцать лет, а скоро двадцать два, и я давно-о совершеннолетняя. И сейчас на дворе не пятнадцатый век.

– А Серёжка знает? – спросила Вера.

– Не-а, – Галя беспечно поболтала ногами. – Он и не спрашивал.

– И что ты ему скажешь, когда он это заметит? – спросила Света.

– Не знаю, что-нибудь придумаю, – ответила Галя.

На самом деле Галя, конечно, немного опасалась того, что Сергей поймет, что она уже не девственница, и рассердится. Но что он сможет с этим поделать: они уже будут женаты, и ему придётся смириться.

– Девчонки, бросьте эти разговоры, перед свадьбой они не к добру, – строго сказала Люда.

– А я в приметы не верю, – добавила Галя.

– Ну и зря, – ответила Люда.

– Да, да, – подтвердила Света. – Вот ты, самая младшая из нас, а выходишь замуж первой. Перебежала нам дорожку, теперь мы можем вообще замуж не выйти.

– Глупости какие, Светка! – возмутилась Галя. – Эта примета для сестёр, а я вам не сестра!

– А говорила, не веришь в приметы! – воскликнула Вера.

– Я еще в первом классе решила, что выйду замуж за Серёжку, – сказала Галя. – А я всегда добиваюсь, чего хочу.

– Однако Лёшки Морозова ты так и не добилась, – заметила Света, укладывая Галины волосы в валик.

– Ерунда, просто не успела, – возразила Галя. – Этот комбайн совсем не вовремя его переехал... Светка! Ну что ты сотворила у меня на голове? Этот дурацкий валик старит меня на целых сто лет! Убери сейчас же это уродство! Людка, давай, лучше ты делай мне причёску.

Света обиженно отошла к окну, и начала дышать на стекло, проделывая в изморози круглое оконце, чтобы смотреть на улицу. А к Гале подошла Люда. Пожав плечами, она переглянулась с Верой: причёска была очень красивая, потому что Света – профессиональный парикмахер, а Гале не понравилось из вредности, и чтобы Светке отомстить за замечание про Лёшку.

– Галка, поздно уже причёску переделывать, – сказала Вера. – Скоро жених придет.

– Ну, вот тут мне подправь, – сказала Галя Люде, указав на виски. – Фату надену, и будет нормально. Девочки, а вы хорошо подготовились к выкупу?

– Да, не беспокойся, – Света недолго обижалась. – Мы обдерём их, как липку.

– У нас такие смешные конкурсы, – добавила Вера.

– Жалко, я не увижу, – вздохнула Галя.

– Ничего, мы тебе потом всё расскажем, – заверила Люда, для вида поправляя Гале причёску и надевая фату. – Ну, смотри, чем не красавица?

Галя полюбовалась на себя в зеркало.

– Глаза вы мне хорошо сделали. Но вот помада какая-то бледная.

– Невеста не должна ярко краситься, – назидательно сказала Люда.

– Но мне этот розовый цвет не нравится, – капризно заявила Галя. – Он мне не идёт.

– Успокойся, зато Серёжке понравится, – уверенно ответила Люда.

– Ты очень красивая, Галинка, – добавила Вера. – И эта помада прекрасно смотрится с белым платьем.

Галя посмотрела на часы и сказала с беспокойством:

– Десять часов уже... а он еще не приехал...

– Боишься, что передумал? – ехидно прошептала Света.

– Типун тебе на язык! – шикнула на неё Люда.

– Ну вот еще, боюсь, – усмехнулась Галя, подошла к окну и выглянула в оконце, которое продувала Света.

Она смотрела на улицу несколько мгновений, потом повернулась к подругам с радостно заблестевшими глазами.

– Он едет, едет! – воскликнула она, хлопая в ладоши и подпрыгивая, как ребёнок. – Девочки, по местам!

Подруги выбежали из комнаты, и Галя осталась одна. Она сразу подошла к трюмо, на котором была разбросана косметика. Выбрала ярко-красную помаду, которой обычно пользовалась, и накрасила губы.

Отступив от зеркала на пару шагов, она оглядела себя. Губы выделялись на её лице, словно запрещающий сигнал светофора.

«Да, Людка права, – подумала Галя. – Невесте не стоит ярко краситься».

Она провела розовой помадой поверх красной, пожевала губами, чтобы ровно распределить помаду и взглянула в зеркало. Теперь губы были яркими, но не кричаще. Галя удовлетворилась результатом.

*

Сергей Коновалов стоял перед зеркалом, завязывая галстук. Из зеркала на него смотрел молодой человек двадцати пяти лет, стройный, элегантный, в чёрной «тройке» и белой рубашке. Симпатичный молодой человек, только глаза почему-то грустные.

«Вот и женюсь, – думал он без всякой радости. – Но, может быть, это к лучшему... Может, я её, в конце концов, забуду...»

Полгода прошло с тех пор, как Сергей окончил институт и вернулся в родное село. И семь месяцев, как у Маши Веселовой, то есть Морозовой, родился сын. И уже два года и два месяца, как Маша Веселова и Алексей Морозов поженились. А Сергей всё никак не мог забыть Машу. Он любил её, очень любил, а она полюбила его лучшего друга. Но Сергей смирился с потерей, он глубоко уважал Алексея, и любил, как брата. Он стал бы бороться за свою любовь с кем угодно, только не с ним. Судьба обошлась с Алексеем так жестоко, что отнимать у него еще и любовь было бы несправедливо.

А потому Сергей уехал в Молому и попытался начать новую жизнь. Жизнь без любимой девушки и без лучшего друга. Он не писал им, не звонил, а на два Машиных письма не ответил, и она перестала писать. Сергей решил, что даже если Маша и Лёшка приедут в Молому к бабушке Насте, он не будет искать встречи с ними. Но за эти полгода они ни разу не приехали. Сергей не знал, рад он этому или нет. На свою свадьбу он их тоже не пригласил.

К Сергею подошла мама.

– Серёженька, красавец ты мой! Я так счастлива, что ты, наконец, женишься! Думала, до пенсии внуков не дожждаться... А что же ты грустный такой?

– Грущу о свободе, мама, – отшутился он.

– А я подумала, что ты опять ту, городскую, вспомнил...

– Мама, ну хватит о ней! Не вспоминал я её, не вспоминал! Делать мне больше нечего!

– раздраженно ответил Сергей, а сам подумал: «Зачем мне её вспоминать, если я только о ней и думаю...»

– Всё, всё, молчу, молчу, – сказала мама и все же добавила: – Галинка будет тебе хорошей женой, вот увидишь.

На улице послышался звон колокольчиков, молодецкое гиканье, смех. Это приехали на тройках друзья Сергея.

– Эй! Жених! Выходи! Поехали невесту выкупать!

«Все. Обратного пути нет», – подумал Сергей, надел пальто, шапку, и вышел на улицу.

Тройки вереницей помчались по лесной дороге в село, с перезвоном колокольчиков, шутками, песнями под гармонь.

Проехали по селу, бросая бегущим за санями ребятишкам конфеты и пряники, лихо остановились у дома невесты.

В выкупе невесты Сергей почти не участвовал, глядя на веселье как чужой, со стороны: друзья всё сделали за него. И загадки отгадали, и вином, и конфетами, и деньгами откупились, и, наконец, подтолкнули Сергея к заветной двери, осталось лишь открыть. А он медлил. Почему-то казалось, что всё это происходит не с ним.

– Ну что же ты? Открывай! – толкнул его в бок друг-свидетель.

Сергей открыл дверь, и увидел Галю. Она стояла посреди комнаты в белом платье, окутанная пеной кружев и фатой, как серебристой дымкой. Несколько мгновений Сергей стоял и с восхищением смотрел на Галю, так она была хороша. И так была похожа на Машу в день её свадьбы с Лёшкой!.. Даже платье почти такое же: они выбирали вместе, и Сергей сам указал Гале на него: «Давай возьмём это, в нём ты будешь неотразима». Гале платье понравилось, и они купили его. Правда, мама потом ворчала, что жениху до свадьбы нельзя смотреть на платье невесты – дурная примета, но он только посмеялся и сказал, что в приметы не верит.

Сергей подошел к Гале и взял её за руки. Девушка радостно засмеялась.

Снова на тройках они поехали в сельсовет, на торжественное бракосочетание, после катались по окрестным деревням, несмотря на мороз, и угощали вином и конфетами всех, кого встречали по дороге. Всем было весело и жарко.

Потом был праздничный вечер в красиво украшенной сельской столовой. Столы ломились от яств, вино лилось рекой. Свадьба пела и плясала почти до утра, но Сергей и Галя в разгар веселья потихоньку удрали от захмелевших гостей.

По традиции Сергей внёс молодую жену в дом на руках.

Новой семье выделили новую двухкомнатную квартиру в центре села в недавно выстроенном двухквартирном брусковом доме. В квартире еще не было обоев на стенах, пол не был покрашен, не было никакой мебели, не было ничего, кроме перины на полу в дальней комнате, покрытой новыми льняными простынями и пуховым одеялом, и пары стульев, чтобы было, куда повесить одежду. В доме приятно пахло свежими досками и свежей побелкой: от новой жарко натопленной печки струилось тепло. Галя бегала по комнатам, придерживая руками подол длинного белого платья, и радостно смеялась. Фата развевалась за плечами, как прозрачные крылья.

– Ты счастлива, Галинка? – спросил Сергей.

– Ой, Серёжка, ну конечно счастлива! – воскликнула она. – Такая хорошая квартира! Я так люблю тебя! А ты меня любишь?

– Конечно, милая, – ответил Сергей, как обычно, избегая говорить прямо «я тебя люблю», это звучало бы не очень правдиво. – Устала? Пойдём отдыхать.

Он снова подхватил Галю на руки и понес в дальнюю комнату.

Когда они уже лежали рядом на перине под теплым одеялом, Галя вдруг сказала:

– Серёж, а давай договоримся никогда не расспрашивать друг друга о прошлом. Ладно?

– Согласен, – ответил он. – Меня не интересует прошлое. Меня интересует будущее.

На мгновение в мозгу Сергея промелькнула мысль: «Что может скрывать от меня Галинка? Она же выросла у меня на глазах. Правда, когда я учился в Кирове, а она жила здесь, на время выпустил её из вида. Может, она не хочет говорить о том, что я у неё не первый? Это не имеет для меня никакого значения».

Галю Дорофееву Сергей знал давно, они учились в одной школе, только она пошла в первый класс, когда он пошел в пятый, а когда он окончил школу, она перешла в седьмой. Галя была симпатичная бойкая девушка. У нее было три старших брата, которые души не чаяли в младшей сестре. Наверное, потому, что она была умнее их, всех троих, вместе взятых. Галя училась почти на одни пятерки, тогда как братья не вылезали из двоек. К тому времени, когда она пошла в седьмой класс, они тоже пошли в седьмой, хотя все были разного возраста. Она тянула их в учёбе, а они стояли за неё горой. Поэтому Галя никого и ничего не боялась, и часто с помощью братьев добивалась того, чего хотела.

Когда Сергей уходил в армию, она была еще девчонкой, а когда вернулся, встретил красивую почти взрослую девушку. Галинка еще не окончила школу, а мама Сергея уже начала прочить её ему в жены. Когда он приезжал домой на каникулы, она только о Галинке и говорила. По словам мамы выходило, что лучше девушки нет во всем мире. Сергей мало обращал внимания на слова матери, он был влюблен в Машу, а Галю почти не замечал. Но, когда понял, что Маша любит другого, он послушал мать, и обратил внимание на Галю. Она внешне чем-то была похожа на Машу. К тому же мать уверяла, что Галя безумно влюблена в него. Вот Сергей и решил, что женится на Гале, и сделает счастливой хотя бы ее, если не может быть счастлив сам. Родители Сергея были очень рады женитьбе сына, Галя счастлива, и у него тоже появилась надежда на счастье.

«А мне что скрывать от нее? – подумал Сергей. – Я, кроме Маши, никого и не любил... Между нами ничего не было, поэтому, если Галя когда-нибудь спросит, не буду делать секрета из наших с Машей отношений. Мне нечего их стыдиться».

– У нас будет прекрасное будущее, – мечтательно проговорила Галя, в который раз обводя восторженным взглядом новую квартиру. – Мы купим стенку, цветной телевизор, большой холодильник... ковры и паласы в каждую комнату... Здесь у нас будет спальня, а там гостиная, да? Знаешь, я хочу такую же стенку, как у Светки, только не темную, а светлую. Мы купим такую, ладно? А люстру... люстру, как у Людки, только не из зеленого стекла, а из голубого.

– Как скажешь, – улыбнулся Сергей. – А дети есть в твоих планах на будущее?

– Ну конечно, конечно есть, Серёжка! – спохватилась Галя. – У нас будет двое детей, сначала мальчик, потом девочка. Да, Серёжка?

– Да, – согласился он и подумал: «Галя счастлива. И я тоже постараюсь быть счастливым. Не буду больше думать о Маше, она счастлива с Лёшкой. А у меня такая хорошая жена».

Он испытывал благодарную нежность к Галинке за то, что она его так любит, и с надеждой подумал, что он тоже когда-нибудь сможет честно сказать ей: «Я тебя люблю».

– Иди ко мне, милая, – Сергей привлек Галю к себе и поцеловал.

Она страстно ответила.

Утром он мог поклясться, что не вспомнил о Маше ни разу за всю ночь, так ему было хорошо с Галей. Он даже чувствовал бы себя вполне счастливым, если бы не мысль, занозой застрявшая в мозгу, что, женившись на Гале, он совершил ошибку.

Свадьба по деревенской традиции продолжалась три дня. Сергей с трудом выдержал длинное, утомительное празднество, и завидовал Морозовым, свадьба которых уложилась в один день. Но Гале очень нравилось, и ради неё Сергей делал вид, что ему тоже всё нравится. И вздохнул с облегчением, когда свадьба, наконец, закончилась.

В заботах о благоустройстве новой квартиры, в работе – Сергей был механиком транспортно-технического хозяйства совхоза, он чувствовал себя если не счастливым, то, по крайней мере, удовлетворенным. Жили они дружно, Галя обожала Сергея, и в благодарность за это он делал всё, что мог, чтобы она была довольна.

*

Галя была очень довольна. Особенно тем, что Сергей ничего не спросил, даже если заметил, что она не девственница. После первой брачной ночи она дня три ждала, что он этим поинтересуется. И тогда она напомнит ему, что они договорились не расспрашивать друг друга о прошлом. Но он ничего не спросил, и Галя вскоре сама забыла о договоре.

*

Когда в феврале тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года умерла бабушка Алексея, Настасья Егоровна, на похороны пришло всё село, приезжали её сыновья. Сергей думал, что Лёшка и Маша тоже приедут, но их не было. Потом он от кого-то слышал, что Алексей не приехал из-за болезни. С одной стороны, Сергей был рад, что они не приехали, а с другой жалел, что не смог увидеть их, хотя бы издали. С Павлом Кузьмичом ему тоже поговорить не удалось.

Через пару месяцев дом бабушки Насти был продан, и в нём поселились другие люди. Теперь Сергей почти на сто процентов был уверен, что Лёшка и Маша никогда не приедут в Молому. Это и радовало, и одновременно огорчало Сергея.

Сергей и Галя оба хорошо знали Алексея, но никогда не говорили о нём. Только однажды, уже после похорон Настасьи Егоровны, Галя спросила:

– Ты не знаешь, почему Лёшки Морозова не было на похоронах бабушки?

– Говорят, он болел, потому не смог приехать, – ответил Сергей.

– Да, жалко парня, такой был красивый, а этот идиот на комбайне всё испортил, – вздохнула Галя и добавила: – Ты же учился с ним вместе, может, знаешь, как у него сейчас дела, и вообще, как он живёт?

– Когда мы заканчивали учебу в институте, делали диплом, у него было всё хорошо. Лёшка женился на четвёртом курсе, а на пятом у него родился сын. Защитился на «отлично», работает на большом заводе, заместителем начальника цеха, – ответил Сергей. О том, кем работает Алексей, Сергей знал из Машиного письма, одного из двух. – А может, уже и начальником стал... Думаю, и сейчас он живёт неплохо.

– Надо же, женился, – усмехнулась Галя. – Вот уж не думала, что найдётся такая дура, которая пойдёт за него... Ох, извини, – она заметила, что Сергей нахмурился. – Лёшка же твой друг... Я, правда, не хотела тебя обидеть.

– Ладно, – ответил Сергей, хотя ему было обидно слышать такое о Лёшке и Маше от собственной жены. Галя иногда бывает слишком резкой. Но не ссориться же с ней из-за этого, в самом деле...

– Серёж, а ты что, не был на свадьбе у Морозова? – вдруг спросила Галя.

– Был, – ответил Сергей.

– А почему меня с собой не взял? – обиженно спросила Галя.

– Да какая свадьба, Галочка, – замялся Сергей. – Никакой свадьбы и не было. Они просто расписались в ЗАГСе, и всё... Потом посидели пару часов в кафе, и разбежались.

– Что и никакого выкупа невесты не было, никакого застолья и танцев, и второго и третьего дней? – разочарованно спросила Галя.

– Не было, – почти соврал Сергей, потому что второго и третьего дней действительно не было.

– И белого платья у Лёшкиной невесты не было? – продолжала допытываться Галя.

– Платье было, – тут Сергей не смог соврать.

– Красивое?

– Твое красивей.

– А гостей много было?

– Мало. Только их родители и несколько ребят и девчонок из группы. Всего человек двадцать.

Тут Сергей тоже почти не соврал. Гости на свадьбе Морозовых действительно было очень много, в общей сложности человек сорок. Но чтобы понизить её привлекательность в глазах Гали, Сергей уменьшил число гостей наполовину.

– Ну, разве это свадьба, – Галя презрительно усмехнулась. – На свадьбе должно быть не меньше ста человек.

– Я знал, что тебе там не понравится.

Врать было неприятно, но не мог же он сказать Гале, что не хотел, чтобы она была с ним на свадьбе Маши и Алексея. Он и сам не хотел идти, но так же не хотел, чтобы Маша и Лёшка на него обиделись.

– К тому же у тебя тогда рука была сломана, помнишь? Ты же не пошла бы на свадьбу с гипсом, верно? – добавил Сергей, хотя ко времени свадьбы Морозовых гипс уже сняли. – Вот я тебе ничего и не говорил, чтобы не расстраивать...

– Ну, тогда ладно, – примирительно сказала Галя. – Но мне хотелось бы взглянуть на Лёшкину жену. Какая она?

– Хорошая симпатичная девушка, – ответил Сергей.

– Красивее меня?

– Пожалуй, нет.

Галя удовлетворенно улыбнулась, и спросила:

– А что же вы с Лёшкой теперь не общаетесь? Поссорились? А такие были друзья...

– Нет, не поссорились. Просто у него теперь другая жизнь, – ответил Сергей, и на этом разговор о Лёшке закончился.

*

Сергею нечего было жаловаться на жизнь. Он и не жаловался. А когда Галя сообщила, что беременна, почувствовал себя абсолютно счастливым.

– У нас будет мальчик, – часто повторяла Галя.

– Ну, а если родится девочка? – с улыбкой спрашивал Сергей.

– Нет, нет, будет мальчик, я знаю, – отвечала Галя. – Как мы его назовём?

– Галочка, давай не будем загадывать наперёд, – говорил Сергей. – Мне всё равно, кого ты родишь, я буду любить одинаково как сына, так и дочку.

– Конечно, я тоже, – отвечала Галя.

Но, покупая пелёнки, распашонки, ползунки и пинетки, Галя старалась, чтобы в этих вещах было побольше голубого цвета.

Пока не было видно живота, Галя и Сергей почти каждую субботу ходили на танцы. И даже когда живот стал заметен, продолжали ходить. Галя гордо выставляла его напоказ, надевая джинсы и обтягивающие блузки, да и Сергей считал, что ей нечего стыдиться. Беременным нужно во всём потакать. Если ей нравится ходить на танцы аж до самых родов, значит, они будут туда ходить.

Однажды, на танцах, когда Галя танцевала с одним из своих братьев, к Сергею подошел подвыпивший Галин одноклассник, и сказал:

– Чего ты беременную жену на танцы таскаешь? Жена дома должна сидеть. Или хочешь всему селу показать, что скоро станешь папашей? А ты уверен, что именно ты отец ребёнка?

– Что?! – возмутился Сергей, схватив парня за лацканы пиджака. – Что ты позволяешь себе болтать про мою жену?!

Все в селе знали, что Сергей не любитель подраться, но уж если врежет, мало не покажется. Парень, естественно, испугался.

– Серёг, извини, я это... так... просто нехорошо же беременной женщине на танцы бегать... – залепетал он.

– А это не твое дело, – сказал Сергей, отпуская парня. – Галя будет ходить на танцы, пока ей этого хочется. А если услышу про неё еще хоть слово, то... сам знаешь, что будет.

Еще не раз Сергей краем уха слышал подобные намёки, но не верил.

*

Сергей был безумно счастлив, когда девятого сентября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года Галя родила девочку.

«Она просто красавица!» – подумал он, когда Галя показала ему ребёнка в окно роддома. Правда, Сергей заметил, что Галя даже не улыбнулась, когда он расточал восторги в адрес дочки. Но он решил, что у неё послеродовая депрессия, и не придавал значения недовольному виду жены.

В день, когда Сергей забрал жену и дочь из роддома, в их квартире собралась вся родня: родители и младший брат Сергея, родители и братья Галины, приехала даже её двоюродная тётя из Кирова.

Сергей организовал богатый стол. Вино лилось рекой. Он не был любителем выпить, но родственные традиции семьи жены этого требовали.

Галя с кислой улыбкой на лице принимала поздравления и подарки родных, и с облегченным вздохом ушла в другую комнату, когда пришло время кормить малышку.

Немного погодя Сергей тоже оставил гостей и вошёл к Гале. Она уже покормила девочку и положила в кроватку.

Он обнял жену. Она, раньше всегда с восторгом принимавшая ласки мужа, сейчас недовольно передернула плечами.

– Что с тобой, милая? – ласково спросил Сергей. – Устала? Отдохни здесь, а я скажу гостям, что у тебя немного болит голова от шума, хорошо?

– Не надо, – буркнула Галя.

Они немного помолчали.

– Наша дочка прелесть, правда? – спросил Сергей, пытаясь как-то разговорить Галю и поднять ей настроение.

– Ребёнок, как ребёнок, ничего особенного, – ответила она со странным равнодушием в голосе.

– Неужели наша малышка тебе не нравится? – удивился Сергей.

– Нравится, – так же равнодушно ответила Галя и добавила: – Но мы же хотели мальчика.

– О, какая разница! – воскликнул Сергей. – Это же наш ребёнок, наш, Галинка!.. Ну, пойдём, нас уже заждались. Всем не терпится узнать, как мы назовем дочку. Ты уже что-нибудь придумала?

– Да, – Галя немного оживилась. – Идём.

Они вышли к гостям, многие из которых времени даром не теряли, и уже изрядно захмелели. Галю снова принялись поздравлять, а потом её мама сказала:

– Ну что, дочка, пора бы уже дать имя девочке. Неделя ей уже, а всё безымянная.

– Мы назовем её Розамундой, – объявила Галя.

– Что? – изумленно спросил Сергей, а у остальных отвалились челюсти, и все, кто уже был пьян, даже малость протрезвели.

– Галинка, ты что, с дуба рухнула? Это звучит как-то не по-русски, – сказал старший из её братьев. – Придумай что-нибудь другое. А то будет Розамунда Сергеевна – смех, да и только!

– Тогда Сюзанна, – сказала Галя.

– Ха-ха! Сюзанна! – рассмеялся Галин папа. – Ну что это за имя? Как у собачонки: Сюззи, Сюззи, ко мне!

И все засмеялись.

– Значит, Изольда! – Галя начала раздражаться, потому что имена, которые она предлагала, не нравились никому, и даже Сергей не хотел её поддержать.

– Ну, ты даешь, Галка! – сказал средний брат. – А как мы её звать-то будем? Изя, что ли? Или Золя?

– Золушка! – выкрикнул младший брат.

И все снова засмеялись.

– Тогда Элеонора! – сказала Галя, уже чуть не плача.

– А что, красивое имя, – сказала мама Сергея. – Можно звать Элей, или Леной.

– Не, не, не пойдет! – возразил средний брат Гали.

– Да, да, какое-то оно слишком заковыристое, – подхватила Клавдия Александровна, тётя Гали из Кирова.

– Ну, Галочка, – укоризненно произнесла Галина мама, она была самой трезвой из всех родственников Гали. – Зачем давать дочке какое-то иностранное имя, когда у нас много прекрасных русских имен. Мария, Анастасия, Наталья, Людмила, Светлана, Ольга. Вера, Надежда, Любовь, только выбирай!

– Да называйте, как хотите! – вспылила Галя, и убежала в другую комнату.

Сергей побежал было за ней, но младший брат жены остановил его, схватив за руку:

– Постой, постой! Раз Галинка не хочет дать имя дочке, тогда давай ты, папаша!

– Я бы хотел назвать дочь Машей, – сказал Сергей.

– О, то, что надо! – воскликнул отец Сергея. – Вот это я понимаю: наше, хорошее старинное русское имя. Я – за Машу!

– Маша, Мария Сергеевна, – сказала Галина мама, словно пробуя имя на вкус. – И с отчеством как хорошо сочетается. Я согласна!

– Я тоже! – подхватил отец Гали. – За это надо выпить! За нового члена нашей семьи, за Марию Сергеевну!

Все одобрительно зашумели, зазвенели, чокаясь, рюмками. А Сергей поставил непочатую рюмку на край стола и под шумок ушёл к Гале.

Она лежала на кровати и плакала навзрыд. Девочка в кроватке тоже плакала. Сергей несколько мгновений стоял в нерешительности, не зная, кого в первую очередь успокаивать, жену или дочку. Наконец он подошел к девочке, взял её на руки, прошептал несколько ласковых слов, дал соску. Малышка успокоилась. Сергей положил её в кроватку и подсел к Гале.

– Милая, ну что ты... Не плачь, – начал он уговаривать жену. – Имена, которые ты придумала, очень красивые, они мне нравятся, но... согласись, они слишком экстравагантные для нашей глубинки. Ты же не хочешь, чтобы над нашей девочкой все смеялись? Вот если бы мы жили в Москве, или хотя бы в Кирове, тогда подошло бы любое из твоих имён. А здесь тебя просто не поняли... Я предложил назвать дочку Машей. Все согласились.

– Ты бы еще Глашей её назвал, – сквозь слезы проворчала Галя. – Или Фёклой!

– Если ты не согласна, чтобы нашу дочку звали Машей, давай придумаем другое имя, – сказал Сергей с некоторым сожалением.

– Мне всё равно, – буркнула Галя.

Сергею не понравился Галин тон, но он опять отнес это на счёт послеродовой депрессии, и стал ласково успокаивать:

– Галочка, мне кажется, Маша – отличное имя для нашей дочки. А если оно ей не понравится, она сможет сменить его сама, когда будет получать паспорт, правда?

Галя ничего не ответила.

В комнату заглянула мама Сергея.

– Серёженька, Галочка, нам пора домой.

– До свидания, – сказала Галя, даже не обернувшись.

Сергей проводил гостей, и вернулся к жене. Она уже не плакала, а сидела перед зеркалом, разглядывая свое лицо.

– Ну, как ты? – спросил Сергей. – Успокоилась?

– Я, наверное, после родов стала такая страшненькая, – проговорила Галя вместо ответа.

– Некрасивая, да?

– Ну что ты, ты очень красивая, – ответил Сергей. – Для меня ты всегда красивая.

– Даже когда ходила вот с таким животом? – засмеялась Галя, показав руками большой круглый живот.

– Конечно. И не расстраивайся, что родилась дочка, а не сын. У нас будут еще и сыновья, и дочки, правда, милая?

Галя вздохнув, ничего не ответила.

– Что, Галочка? Устала? – сразу спросил Сергей.

– Да, немного. А еще столько всего убирать...

– Не беспокойся, дорогая. Я сам всё уберу. А ты отдыхай. Я... люблю тебя.

Сергей сказал Гале эти слова впервые, и даже немного удивился, что сказал их не Маше. Он уже давно понял, что Машу ему не забыть, но так же понял, что может стать счастливым без неё, а она навсегда останется в его мыслях грустным, но светлым воспоминанием. Поэтому и предложил назвать дочь Машей.

– Я тоже тебя люблю, Серёжка, – ответила Галя потеплевшим тоном.

– Отдыхай. А я пойду, приберусь, – сказал Сергей и вышел из комнаты.

Он убирал со стола в гостиной, мыл на кухне посуду и улыбался, потому что наконец-то был счастлив.

*

Но с этого дня всё пошло не так, как представлялось Сергею в мечтах о счастливой семейной жизни. То ли из-за того, что родилась дочь, а не сын, то ли из-за того, что Гале не дали назвать девочку так, как она хотела, она совершенно потеряла интерес к ребёнку, и это уже нельзя было списать на послеродовую депрессию. Сергей назвал дочку Машей, а Галя долгое время вообще никак не называла, потом стала называть «Мэри». Сергей надеялся, что со временем Галя полюбит дочку, но время шло, а она по-прежнему лишь кормила её и переодевала, не говоря малышке ни одного ласкового слова, никогда не брала на руки просто так, а только если это было необходимо.

– Нечего приучать ребёнка к рукам, – говорила она Сергею, когда он пытался объяснить, что Машеньке требуется материнская ласка.

Если девочка плакала, Галя никогда к ней не торопилась, а когда Сергей журил её за это, отвечала:

– Ничего, ребёнку полезно кричать, легкие разрабатывать.

А когда Машеньке исполнилось полгода, Галя и Сергей повезли её в районный центр в детскую консультацию на очередной осмотр. В Моломе в то время не было детского врача, старый врач уволился и уехал, а нового еще не прислали. И один молодой и жутко серьёзный педиатр, увидев, что у девочки нет ни одного зуба, она еще не умеет сидеть, и весит меньше нормы, сказал родителям, что ребёнок запаздывает с физическим развитием, и возможно, он умственно отсталый.

Когда они вышли из поликлиники, Галя расплакалась. Сергей предложил показать Машеньку другому педиатру.

– Галя, я не верю этому врачу! Машенька нормальный ребёнок! А если она и отстаёт немного в физическом развитии, так это потому, что плохо ест. Давай сходим к другому врачу, свозим в Киров, если надо!

– Не стоит, я сама подозревала, что она умственно отсталая, – всхлипывая, ответила Галя, и накинулась на Сергея: – И в этом ты виноват!

– Почему я? – удивился Сергей.

– Потому что это у тебя была старшая сестра-идiotка!

У Сергея на самом деле была сестра, но он её почти не помнил, она умерла в возрасте шести лет, когда ему было всего четыре года.

– Она родилась не умственно отсталая! – возразил Сергей. – Просто, когда ей было три года, упала с крыши, и сильно ударилась головой. А до этого была абсолютно нормальная.

– Да? – сквозь слезы усмехнулась Галя. – Да ни один нормальный ребёнок трёх лет не полез бы на крышу!

– А, может, это ты виновата? – не выдержав, вспылил Сергей. – Это же у тебя три брата-дебила!

– Почему это они дебилы?! – разозлилась Галя.

– Да потому, что восемь классов нормально не могли закончить! – раздраженно ответил Сергей. – Если бы ты их не тянула за уши, они до сих пор учились бы в школе!

– Ах, вот ты как о моей семье! – обиделась Галя.

Всю дорогу до Моломы они ехали молча. Сергей понял, что вёл себя недопустимо, дома долго извинялся за то, что назвал братьев Галины дебилами, и дал слово, что больше никогда не скажет о них такое. Галя дулась на него до вечера, но потом простила.

Это была их первая ссора.

После поездки в районную поликлинику Галя стала относиться к дочери еще равнодушнее. И диагноз врача начал подтверждаться: к году у Машеньки прорезалось всего два зуба, садиться она так и не научилась, и сидела, если только её посадить. Она почти не улыбалась, не говорила, и весила почти в два раза меньше нормы. Сергей не знал, как обращается Галя с дочкой в его отсутствие, но при нём она почти не обращала внимания на Машеньку. Сергей пытался убедить Галю, что девочке нужно внимание и забота, и тогда, возможно, она вырастет нормальной или почти нормальной. Но Галя была уверена, что никаким вниманием тут не поможешь, только время зря потратишь, и не слушала Сергея. Она перестала носить Машеньку на осмотры даже в сельскую поликлинику, стараясь как можно реже появляться с дочкой на людях.

Несмотря на всё это, Сергей очень любил дочь, и она его тоже, он это чувствовал, когда брал на руки легкое, почти невесомое тельце, а Машенька прижималась к нему и смотрела на него огромными недетскими глазами.

Гале очень не нравилось, что Машенька льнет к Сергею, а её боится, и из-за этого они стали часто ссориться.

– Ты зачем её к рукам приучаешь? – злилась Галя. – Сам весь день на работе, а мне тут некогда её всё время на руках таскать!

Как-то в один из относительно мирных дней Сергей предложил:

– Галочка, давай родим еще одного ребёночка.

– Согласна, – ответила она. – Но сначала Мэри сдадим в интернат для умственно отсталых.

– Ни за что! – возразил Сергей. – Наша дочь не будет жить в интернате!

– Тогда забудь про второго ребёнка! – отрезала Галя. – Мне с одной Мэри возни хватает.

– Возможно, родится мальчик, ты же так хотела сына, – напомнил Сергей.

– Возможно. А где гарантия? Я не хочу еще одну такую Мэри! – возразила Галя. – А рожать, между прочим, совсем не просто, как все вы, мужики, думаете! А потом эти дети не ценят, как их мамы мучились, капризничают, не едят ничего!

– Машенька хорошая девочка, и если бы ты с ней была поласковой, она отвечала бы тем же. Тебе нужно больше общаться с дочкой, и тогда, возможно, будут сдвиги в её развитии, – сказал Сергей.

– Тогда и сиди с ней сам, если такой умный, а я пойду работать, – проворчала Галя.

Сергей предпочёл не продолжать этот спор. Он прекрасно знал, что на Галину зарплату им втроём не прожить, и она сама на это не пойдёт.

– Галочка, я прошу тебя, всё-таки будь добрее к Машеньке. Какой бы она ни была, она наша дочь, – сказал он.

– Да ладно, ладно, – отмахнулась Галя.

У неё было благодушное настроение, и ругаться не хотелось. Вдруг ей пришло в голову спросить:

– Серёж, а ты любил кого-нибудь до меня?

В день свадьбы они договорились, что не будут расспрашивать друг друга о прошлом, но Сергей решил, что большой беды не будет, если он расскажет Гале о Маше. Потому что между ними всё равно ничего не было.

– Да, в институте мне нравилась одна девушка, – ответил он, и показал её Гале на студенческих фотографиях. – Её звали Маша. Но она никогда меня не любила, мы были только друзьями. Она вышла замуж за другого.

Если бы он знал, к чему приведёт его откровенность!..

– Ах, вот почему ты настоял, чтобы мы назвали дочку Машкой! – возмущённо закричала Галя, её хорошего настроения как ни бывало.

– Да я вовсе не настаивал! – возразил Сергей. – Просто предложил!

– Нет, настаивал! Ты до сих пор любишь эту девку!

Сергей не стал спорить. Просто встал и ушёл. Шёл, сам не зная, куда, по улице, и остановился около интерната, на краю села. Был поздний вечер, в интернате не светило ни одно окно. Сергей вдруг подумал, если сейчас встретит знакомых, и они спросят, что он делает так поздно на улице один, он не сможет ответить. Потому что никто не знает, какие у них с Галей отношения. Все думают, что они живут душа в душу, несмотря на то, что им так не повезло с ребёнком. И он заторопился домой, моля Бога, чтобы никого не встретить по дороге.

Когда он вернулся, Галя уже спала. Студенческий фотоальбом Сергея лежал на столе открытый, а лицо Маши на каждой фотографии было демонстративно замазано черным фломастером. Сергей чуть не расплакался. Без Машиного лица альбом потерял всю ценность, и он бросил его в печку. Теперь у него осталось только одно фото Маши, которое он не вложил в альбом. Оно лежало в паспорте, в потайном кармашке под обложкой: Маша и Лёшка на своей свадьбе. Паспорт он практически всегда носил с собой, и так у него создавалась иллюзия, что они оба всё ещё с ним.

*

С этого вечера всё стало ещё хуже. Жизнь Сергея раскололась на «до» и «после» откровения. Если «до» было просто плохо, то «после» начался сплошной кошмар. Галя каждый день не по одному разу напоминала Сергею о Маше. Если он вдруг задумывался о чем-то, она язвительно спрашивала: «Что, опять о своей Машке мечтаешь?» Если суп был пересолен, и Сергей делал замечание по этому поводу, Галя раздраженно говорила: «Значит, Машка лучше готовила?» – и на следующий день из принципа ничего не варила. Её теперь раздражало даже, если Сергей просто брал дочь на руки и ласково называл по имени. Она сразу подходила и отбирала ребёнка под каким-нибудь предлогом:

– Ей уже пора спать!

Или:

– Ну-ка, дай сюда, посажу её на горшок.

В довершение ко всему Галя перестала следить за собой, вечно ходила в старом халате с оторванными пуговицами, в доме царил беспорядок. Сергею не хотелось возвращаться домой, и он придумывал какие-то дела, чтобы подольше задержаться на работе. А когда приходил домой, Галя уже спала.

Ужина, конечно, никакого не было, даже чайник зачастую оставался пустым. Галя умудрялась не оставить в хлебнице ни куска хлеба, и Сергею приходилось ложиться спать голодным. Утром он спрашивал, почему в доме нет хлеба, а Галя отвечала, что Мэри весь день капризничала, и она не успела сходить в магазин. А чаще они просто не разговаривали неделями, и лишь в день зарплаты жена становилась поприветливее, да еще когда приходили в гости родители Гали или Сергея. При гостях Галя становилась само радушие и мягкость, перед их приходом прибиралась в квартире, надевала хорошую одежду и готовила разные вкусности. Только гости к ним приходили нечасто. И всё же в такие дни Сергей надеялся, что у них всё еще наладится.

Но на завтра кошмар повторялся.

Сергей понимал, что попытка сделать Галю счастливой провалилась с треском, и не раз хотел уйти от нее, но каждый раз вспоминал о дочери, и оставался. Когда ему становилось совсем уж невмоготу, он запирался в туалете, доставал фото Маши и Лёшки из потайного кармашка, смотрел на их счастливые лица, и думал: «Слава Богу, что хотя бы у них все хорошо».

ГЛАВА 5. ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

Июль 1987 – октябрь 1988 гг.

Так получилось, что конец июля ознаменовался для семьи Морозовых тремя радостными событиями. Первое – в их семье появилась дочь Алиса, второе – они переехали в новую квартиру, и третье – Алексея назначили начальником цеха. По этому поводу Морозовы устроили праздник, и пригласили однокурсников, которые распределились в Киров и близлежащие города. Правда, таких набралось всего пятеро. Приехали из Кирово-Чепецка Юля и Саша Зубовы с двухлетней дочкой Аленой, и Юля опять была беременна, пришли Марина Лаптева, Витя Комаров и Коля Стародумов. Остальные или жили слишком далеко, или служили в армии. Аллу Андрееву Морозовы не пригласили.

Однокурсники поздравили Алексея с назначением, удивились хорошенькой дочке Маши и Алексея, порадовались их новой квартире.

– Сногшибательная карьера! – сказал Алексею Саша Зубов. – Поздравляю! Ты точно станешь директором завода, лет этак через десять.

– Так далеко мои амбиции не распространяются, – ответил он. – Директор – это чистый администратор, а мне нравится производство, нравится влиять на процесс производства, делать его лучше.

Когда Маша уложила детей спать, и закрыла дверь детской, Марина спросила:

– Машка, откуда у вас такая большая дочка? Неужели из детского дома взяли?

– Это не мы, это она нас взяла, – улыбнулась Маша. – А мы, как её увидели, сразу поняли, что не можем жить без Алисы.

– Алиса уверена, что мы – её настоящие родители, – добавил Алексей. – И мы надеемся, что от вас она правды не узнает.

– Конечно, – с готовностью кивнула Юля. – Мы никогда ей не расскажем, что вы – приёмные родители.

– Как же вы решились на такой шаг? – спросила Марина. – Всё-таки чужой ребёнок – это большая ответственность.

– А свой ребёнок – разве не большая ответственность? – усмехнулся Алексей.

– Алиса нам не чужая, – добавила Маша. – Мне сейчас кажется, будто я сама её родила.

– Маш, а ты что, сама не хочешь больше рожать? – спросила Юля.

– Почему не хочу? – удивилась Маша. – Вот Алиса и Радик подрастут немного, и рожу еще.

– Хорошая у вас квартира, – оценил Витя. – Только маловата для четверых.

– А мы не собираемся жить в ней всю жизнь, – ответил Алексей. – Заработаем на большую, и переедем. Обещаем пригласить вас на новоселье.

– Спасибо, мы придём, – улыбнулся Витя.

Вечер удался на славу.

– Жаль, что Серёги не было на нашем празднике, – вздохнул Алексей, когда они проводили последнего гостя.

– Да. Жаль, – согласилась Маша и добавила: – Почему же он не пишет, не звонит? Я писала ему, даже два раза. Еще в октябре прошлого года, а второй раз в декабре, перед Новым годом. Но он не ответил ни на то письмо, ни на другое. Как думаешь, почему?

– Я так понимаю, он всё еще любит тебя, Маша, – задумчиво проговорил Алексей. – Поэтому и молчит.

– А может, женился, и ему не до нас, – добавила Маша. – Все обещали писать, а никто не пишет...

– Что поделаться, сейчас у всех своя жизнь, – грустно ответил Алексей. – Мне очень жаль, что я не смог поехать в Молому на похороны бабушки. А теперь её нет, и поехать не к кому...

– Как это не к кому? А если к Серёжке?

– Нет, Маша, – подумав, ответил Алексей. – Если бы он хотел, чтобы мы приехали, он бы пригласил нас. Серёжа мой лучший друг, и навсегда останется им, но быть у него незванным гостем я не хочу.

– Ты прав, – со вздохом согласилась Маша.

*

В октябре тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года Радику исполнилось полтора года, и Маша вышла на работу в Отдел Главного Конструктора того же завода, на котором работал Алексей, и куда они оба распределились после окончания института.

Алексей больше года отработал на заводе, и стал там известной личностью. Пока Морозовы шли до проходной, с ним поздоровалось человек сто, и называли его не иначе, как Алексей Павлович. Маша очень гордилась мужем. Потому что четыре месяца назад он стал начальником двенадцатого цеха, где до этого был заместителем, и потому, что он – самый молодой начальник цеха в истории завода, и потому, что его все уважают.

Маша и радовалась, и огорчалась тому, что Алексея назначили начальником цеха. Теперь ему пришлось работать по двенадцать часов в сутки, так как этот цех был самым отстающим из всех цехов на заводе. Будучи еще заместителем, Алексей часто задерживался на работе, а теперь его домой стало не дожидаться. Для него было делом чести наладить нормальную работу в цехе, и он с энтузиазмом занялся этим. Он начал добиваться повышения расценок на низкооплачиваемые операции, разработал несколько рацпредложений, облегчающих тяжёлый труд, и удешевляющих себестоимость продукции, и больше половины из них внедрил, несмотря на то, что ему самому порой приходилось вытачивать детали для очередного приспособления. Он привёл в рабочее состояние промышленного робота, установленного в цехе пять лет назад, и ни минуты не работавшего.

И дело сдвинулось с мертвой точки: через три месяца цех перестало лихорадить, он стал работать более или менее стабильно, без вынужденных простоев в начале месяца и авралов по субботам и воскресеньям в конце.

Алексей так часто задерживался на работе, что Маша успела почти привыкнуть к этому. Он появлялся обычно часов в семь-восемь, уставший, весь в мазуте, как последний чернорабочий, но довольный. У Маши не поворачивался язык отругать его за задержки.

Но однажды, это было еще до выхода Маши на работу, Алексей не пришел в семь, как обычно. Не пришел он и в восемь, и в девять, и в десять. Маша не находила себе места, несколько раз выбегала на улицу к телефону-автомату и звонила в цех Алексея. Но в его кабинете никто не брал трубку. Маша позвонила родителям мужа, но Павел Кузьмич, работавший на том же заводе, только в другом цехе, был еще на работе во вторую смену. Маша было собралась ехать на завод, хотя страшно было оставлять детей одних в квартире, но в это время в прихожей зазвенел звонок.

Маша бросилась открывать.

За дверью стояли двое мужчин и Алексей, бледный, с искусанными до крови губами. Он едва держался на ногах.

– Что с ним? – испугалась Маша.

– Мы не знаем, – ответил мужчина, который был постарше. – Хотели в больницу отвезти, да он не согласился.

– Спасибо вам, – поблагодарила Маша мужчин, и они ушли.

Она не знала, кто привёз её мужа домой, да это её не очень-то интересовало. Ей с трудом удалось добиться ответа от Алексея, что у него болит. Наконец она поняла, что болит спина. Такое бывало и раньше, еще в студенческие годы: давала о себе знать травма позвоночника.

Маша раздела Алексея, растерла спину и накрыла нагретым на камине одеялом. Через несколько минут ему стало лучше, он приподнял голову и огляделся.

– Маша? Как я оказался дома? – удивленно спросил он.

– Тебя привезли на машине двое мужчин. А теперь объясни, что произошло.

– Я остался у себя в кабинете почертить. Надо было срочно закончить одну вещь... А когда закончил, понял, что спина просто разламывается. Я пытался дойти до кресла... Больше ничего не помню. Кто меня привёз?

– Я же сказала, двое мужчин. Я их не знаю.

– А описать можешь?

– Я их не разглядывала, мне, вообще-то, было не до этого. Вроде бы одному лет сорок пять, волосы черные, с проседью, в таком импозантном пальто... А второй лет тридцати, светловолосый, в кожаной куртке.

– О Боже!.. простонал Алексей. – Это директор завода и его водитель!

– Между прочим, я сто раз тебе говорила, чтобы ты не чертил за столом! – строго сказала Маша.

– Я просил начальника АХО поставить кульман в кабинет, – ответил Алексей виновато.

– А он только обещал...

– А плохо теперь тебе, а не ему! Ты уже забыл, что чуть не слёг, когда диплом делал?

– Но не слёг же, – возразил Алексей.

– Это потому, что мы с твоей мамой за уши оттаскивали тебя от чертежей, – сказала Маша.

Утром она вызвала врача, и он выписал Алексею больничный лист на неделю. А вечером к ним зашёл Павел Кузьмич, и сообщил:

– Меня сегодня директор завода к себе вызывал.

– Зачем? – спросил Алексей, невольно краснея.

– О тебе расспрашивал, – ответил Павел Кузьмич.

– Откуда он знает, что ты мой отец? – удивился Алексей.

– Да об этом весь завод знает, – усмехнулся Павел Кузьмич. – Сарафанное радио сообщило. Да я и сам говорил. Не секрет же.

– А что спрашивал директор?

– Про здоровье твое.

– И ты рассказал ему?!

– Рассказал. А что мне оставалось делать?

– Папа, ну зачем, зачем? – расстроился Алексей.

– Не от меня, так от кого-нибудь другого он всё равно узнал бы, – сказал отец. – А я, по крайней мере, ничего не приукрасил и не приврал.

– Но, папа, меня же теперь снимут с должности!

– О, и не думай даже, – Павел Кузьмич рассмеялся. – Кто же пойдёт на твое место? Дураков нет. Один ты такой... энтузиаст. Этот двенадцатый цех у всех во где сидит, – он провел ребром ладони по горлу.

– Ну и будет сидеть, если меня теперь снимут, – проворчал Алексей.

Уверенный в том, что из-за проблем со здоровьем его не будут держать на должности начальника цеха, Алексей весь вечер и весь следующий день дулся на весь свет. К тому же спина еще болела.

А вечером раздался звонок в дверь. Маша была занята тем, что уговаривала Алексея поесть, и попросила Алису открыть дверь.

– Лёша, пожалуйста. Ты должен поесть.

– Ничего я не должен! Не хочу. Я не голоден.

– Алексей Павлович, Вы, наверное, не хотите поправиться и возвратиться на работу, – сказал вошедший в комнату мужчина, и Маша с Алексеем обернулись на голос. – Здравствуйте. Как вы себя чувствуете, Алексей Павлович?

Маша подвинула посетителю стул, а Алексей смущенно пробормотал:

– Извините, Андрей Иванович, что вам пришлось...

– Ничего, это было нетрудно, – ответил Андрей Иванович. – Но, честно говоря, вы здорово нас напугали. Мы на партсобрании задержались, и уже собирались ехать домой, когда прибежала девушка из второй смены, из вашего цеха. Глаза испуганные, двух слов связать не может... «Там... Там... Алексей Павлович...» Мы, конечно, тоже перепугались, прибежали, а вы – на полу, без сознания... А чертежи ваши я видел. Будете оформлять изобретение?

– Нет, зачем... Волокита одна. Лучше поскорее внедрить, как рацпредложение, – ответил Алексей.

– Помогу, чем смогу, – сказал директор. – А вы не стесняйтесь, приходите ко мне и требуйте всё, что нужно для работы.

– Пока мне нужен кульман в кабинет. Я просил заведующего складом, хотя бы какой-нибудь списанный, а он только обещал...

– Так надо было обратиться прямо ко мне.

– Я... считал, что обращаться к вам с такой мелочью просто... неудобно.

– Всё, что касается вашего здоровья, это не мелочи, – возразил Андрей Иванович. – Поэтому забудьте слово «неудобно». Вы нужны заводу, Алексей Павлович. Вы показали себя знающим инженером и хорошим руководителем. Вы руководите цехом всего три месяца, а уже видны сдвиги в лучшую сторону. Поправляйтесь скорее, и выходите на работу. Только, пожалуйста, не переработайте, как позавчера. Вы нам нужны в рабочем состоянии.

– Я постараюсь, – пообещал Алексей.

Директор попрощался и ушел, а Маша взглянула на Алексея и улыбнулась:

– Ну что, сняли тебя?

Он улыбнулся в ответ.

Через неделю, когда он вышел на работу, в его кабинете стоял новенький кульман.

*

В процессе работы в конструкторском отделе Маша не раз бывала в цехе Алексея по делам, и поняла, что рабочие любят и уважают его. Он всегда советовался с рабочими, всегда внимательно выслушивал их предложения, а просьбы никогда не оставлял без ответа.

А когда Алексей появлялся в ОГК, тихая жизнь там кончалась. «Как, эти чертежи еще не готовы? Что с экспертизой рацпредложения Петрова? Не закончена? Чем вы тут вообще занимаетесь?» И приходилось бежать, срочно копировать чертежи, заканчивать экспертизу и еще кучу попутных дел.

Маше нравилось, что весь завод знает и уважает её мужа.

Но однажды, она пришла в цех, чтобы передать Алексею комплект новых чертежей, и услышала такой разговор:

– Анатолий Иванович, это приспособление не будет работать, – сказал Алексей пожилому станочнику, который держал в руках эскиз.

Они стояли в цехе около фрезерного станка.

– А я говорю, будет, – настаивал рабочий.

– Анатолий Иванович, смотрите, – Алексей взял эскиз, положил его на стол станка, и начал что-то объяснять про физические свойства, трение, сопротивление, чертя карандашом на листке.

Маша не старалась вникать, хотя Алексей пытался говорить доходчиво, простыми словами. Пока он говорил, Анатолий Иванович стоял, и нетерпеливо постукивал пальцами по столу, и, похоже, тоже не особенно вслушивался в объяснения.

– Ну, поняли ошибку? – спросил Алексей, закончив объяснение.

– Знаете, Алексей Палыч, я на заводе не первый год работаю, за станком стоял, когда вы еще под стол пешком ходили, – сказал Анатолий Иванович в ответ, и в его голосе слышалась обида. – Я, конечно, институт не заканчивал, как вы, но уже не один десяток моих приспособлений в разных цехах работают.

– Я не спору, Анатолий Иванович, вы – прекрасный рационализатор, и не умаляю ваших достоинств, но это приспособление работать не будет, – ответил Алексей.

– Да много вы в нашем деле понимаете! – в сердцах проговорил Анатолий Иванович. – На заводе без году неделя, а всё туда же, указывать!

– Это я... я не понимаю? – Алексей чуть не задохнулся от возмущения. – Я не понимаю?.. Хорошо, если вы мне не верите, отдайте ваше предложение в ОГК на экспертизу! Там скажут то же самое! – он отвернулся, собираясь уходить, и увидел Машу, стоявшую поодаль, и ожидавшую конца беседы. – Вот, кстати, Мария Игоревна здесь, можете передать ваш эскиз ей. Что у вас, Мария Игоревна?

– Принесла чертежи, которые вы заказывали, Алексей Павлович, – ответила Маша, и вместе с Алексеем прошла в его кабинет, забрав и эскиз.

Маша отработала на заводе всего месяц, но все уже знали, что она – жена Алексея. Несмотря на это, всё равно они на заводе обращались друг к другу официально, по имени-отчеству, и на «вы». Но если оставались одни, как сейчас в кабинете, переходили на неофициальный тон.

Алексей взял чертежи, хотел их сразу просмотреть, но вдруг бросил на стол, и прислонился к стене, закрыв глаза.

– Что с тобой, Лёша? – заволновалась Маша. – Тебе плохо?

– Нет, нормально, – он кисло улыбнулся, достал из кармана рубашки таблетку валидола, положил под язык, и добавил: – Слышала, как рабочие со мной разговаривают?

– Слышала, – кивнула Маша. – Ты расстроился?

– А то нет! Обидно же, я что, мало сделал? Я же стараюсь в каждую мелочь вникать, а они «много вы понимаете»... Я больше года в этом цехе, каждый винтик в каждой станке изучил, а они всё «без году неделя»...

– Лёшка, не принимай так близко к сердцу, а то опять заболеешь, – сказала Маша, обнимая мужа одной рукой, а другой закрывая дверь на защелку.

Жалюзи на окне в цех были закрыты. Окон на улицу в кабинете не было. Маша поцеловала Алексея, он ответил, но довольно вяло.

– Лёшка, ну отвлекись ты на пять минут от работы, – сказала Маша. – Отдохни.

– Не могу, мне обидно, – ответил он. – Я не виноват, что моложе Анатолия Ивановича в два раза! Это не значит, что я меньше знаю! Если ему было плевать на моё мнение, зачем совета спрашивал?..

– Лёшка, да не обижайся ты на этого рабочего, – беспечно сказала Маша. – Ему просто обидно, что ты моложе его в два раза, но в два раза умнее.

– Если у него больше опыта, это не даёт ему права говорить, что я ничего не понимаю, – все еще обиженно продолжал Алексей, не слушая Машу.

– Я знаю, Лёша, знаю, что ты прекрасно разбираешься в чертежах, – сказала Маша.

– Кстати о чертежах, – Алексей отстранил Машу и шагнул к столу. – Ладно, Маш, иди, работай. У меня еще куча дел.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила Маша.

– Я же сказал, нормально, – ответил Алексей и добавил: – Машенька, извини, мне, правда, надо работать.

Она с сожалением вышла из кабинета.

Вечером у Алексея болело сердце, он говорил, что устал, что у него ничего не получается, и он не хочет больше работать начальником. А утром снова был бодрым, уверенным в себе, и шёл на работу с радостью.

– Знаешь, – сказал Алексей Маше через несколько дней. – Анатолий Иванович, признал, что был неправ, и извинился.

– После того, как экспертиза раскритиковала его рацпредложение, – усмехнулась Маша.

Но такие случаи были редки, в основном рабочие прислушивались к мнению Алексея и следовали его советам.

*

В январе тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года случилась авария в одиннадцатом цехе, который поставлял большинство заготовок двенадцатому, и целую неделю цех практически простаивал. Аварию в одиннадцатом устранили, но план двенадцатого срывался, несмотря на то, что задел был полностью использован. Алексей подсчитал, что если цех будет работать две субботы подряд, план будет выполнен. И он предложил рабочим поработать в субботу. Но все уже забыли, как еще год назад работали по субботам, и даже по воскресеньям, а может, не хотели вспоминать. К хорошему быстро привыкается. И рабочие дружно возмутились.

Собрание состоялось в пересменку. Маша как раз зашла к Алексею, чтобы спросить, пойдёт он домой, или задержится, как обычно. И увидела такую картину: рабочие и мастера обеих смен столпились в уголке отдыха, где стояли кресла, горшки с цветами, аквариум. Уголок отдыха, кстати, в цехе устроил Алексей, а раньше в этом углу стояли списанные станки и валялся всякий хлам. Алексей стоял в центре толпы, и объяснял людям ситуацию. Когда он замолчал, рабочие зашумели:

– Что же это такое, Алексей Павлович? Только начали работать нормально, и на тебе!..

– Почему мы должны покрывать грехи другого цеха?

– Мы-то думали, что, наконец, стоящий начальник пришел, и авралы закончились...

Алексей молчал, и Маша заметила, что он чуть не плачет от обиды. Ей захотелось подбежать к нему, и напомнить рабочим все заслуги Алексея. Но он, скорее всего, не оценил бы её порыва. Он скорее заплачет, чем будет напоминать рабочим, что он для них сделал.

– Мы-то, конечно, выйдем в субботу, и поработаем, нам премию жаль терять, а вы отдыхать будете законных два дня! – резко сказал один из пожилых рабочих.

Алексей побледнел, глаза потемнели от обиды. Маша возмущённо вздохнула, но вмешаться не решилась. Разве он не работал по субботам и воскресеньям наравне с рабочими, когда еще не был начальником? Разве он не работал по двенадцать часов, а то и больше, когда это требовалось? Неужели они всё забыли?

– Я приду в субботу, – тихо сказал Алексей.

– А что толку-то, указчиков у нас и без вас хватает! – выкрикнул кто-то.

– К станку-то вы всё равно не встанете! – вторили ему.

– Встану, если нужно, – проговорил Алексей, отлично понимая, что если простоит смену у станка, то сляжет на неделю с болью в спине.

– И вообще, если молод еще командовать, так и не лез бы в начальники! – раздраженно сказал кто-то.

Алексей прислонился к колонне, чтобы не упасть, и закрыл глаза. Да, ему всего двадцать четыре года, и он самый молодой начальник цеха за всю историю завода. И ему было обидно, что его попрекают молодостью. Он готов был расплакаться от обиды, но не успел: боль в сердце заставила его потерять сознание. Когда он начал падать, его подхватили и усадили в кресло. Все сразу замолчали.

– Что с ним? – тихо спросил кто-то.

– Похоже на обморок, – ответил кто-то так же тихо.

Маша растолкала окруживших Алексея людей, и подбежала к мужу.

– Довели человека до сердечного приступа, и еще спрашивают, что с ним! – закричала она. – Ну, что стоите, как памятники? Принесите воды!

Стакан воды появился через десять секунд.

Маша расстегнула рубашку на груди Алексея, побрызгала водой лицо. Алексей застонал. Маша достала из его кармана валидол и дала таблетку. Несколько минут Алексей сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Но вот щёки его чуть порозовели, он открыл глаза и поднялся с кресла. Взглянув на часы, сказал рабочим, все еще стоявшим вокруг:

– Работайте. Ваша смена десять минут, как началась, – и пошёл к двери.

Маша пошла следом.

– Мы будем работать в субботу, Алексей Павлович, – сказал кто-то вслед.

Алексей остановился, оглянулся и ответил:

– Мне всё равно. Я вам больше не начальник.

Маша проводила его до медпункта, и последний час рабочего времени он провёл там. Потом они вместе шли домой. Редкий случай.

– Знаешь, Маша, я написал заявление, – сказал Алексей по дороге. – Не хочу больше быть начальником. Людям добро делаешь, а они чем отвечают? Никакой благодарности! Я вообще-то на благодарность и не рассчитывал, но хотя бы на понимание!

– Так они поняли, – сказала Маша. – Они же сказали, что придут в субботу.

– После того, как я брякнулся в обморок, – усмехнулся Алексей, и добавил: – Никогда не думал, что меня упрекнут за молодость. Если молодой, значит, обязательно плохой начальник?..

– Лёшка, ты хороший начальник, – заверила Маша. – Рабочие просто рассердились, вот и наговорили тебе обидных слов. Кому же хочется работать в субботу? В тот момент они накричали бы на любого, кто попался бы им под руку. К сожалению, попался ты. И не надо было ничего им объяснять, надо было просто приказать, и всё. А если ты из-за каждого инцидента будешь обижаться на подчиненных, то, извини, тебе действительно не стоит работать начальником.

– Но я же не отвечаю за весь завод! Я не виноват в том, что произошла авария в одиннадцатом! – раздраженно ответил Алексей. – Я понял, что эта должность мне не по плечу, я действительно слишком молод командовать. С меня довольно!

Он снова схватился за сердце.

Дома Маша сразу уложила Алексея в постель, и вызвала врача.

В комнату вбежали Радик и Алиса, бабушка только что привела их из детского садика, и они с радостными криками бросились к отцу.

– Папа!

– Папа, ты сегодня так рано! Как здорово! Поиграем?

– Тише, дети, тише, – остановила их Маша. – Папа заболел.

Четырёхлетняя Алиса сразу все поняла, взяла брата за руку, и увела в детскую, объясняя ему:

– Папа устал на работе. Он отдохнет, и тогда поиграет с нами.

Алексей проводил детей взглядом и улыбнулся:

– Алиса стала прекрасной старшей сестрой Радик, правда?

– Да, – согласилась Маша.

Пришёл врач, выписал Алексею лекарства, больничный лист, и спросил у Маши:

– Кем работает ваш муж?

– Начальник цеха, – не без гордости ответила она.

– Ему стало плохо на работе?

– Да, в цехе возникли проблемы...

– Постарайтесь обеспечить полный покой на несколько дней, – сказал врач. – И никаких разговоров на производственные темы.

– Да, – кивнула Маша, решительно не представляя, как заставит Алексея не говорить о работе.

Маша проводила врача до двери, вернулась к Алексею, и увидела морщинки на лбу, и закусенные губы.

– Лёшка, что случилось? Тебе плохо? – спросила она.

– Маша... мне кажется, я поторопился... написать заявление, – ответил Алексей. – Ты права... Я не должен был обижаться на рабочих.

– Я рада, что ты это понял, – улыбнулась Маша. – Теперь всё будет хорошо.

– Но я уже написал заявление! А вдруг директор его подпишет?

– Не подпишет, – уверенно сказала Маша.

– А вдруг подпишет?

– Ладно, не переживай. Завтра пойду на работу, сразу зайду в приёмную, и заберу твое заявление. Согласен?

Алексей улыбнулся.

– Что бы я без тебя делал, мой ангел-хранитель?..

*

Маша успела забрать заявление Алексея прежде, чем директор завода увидел его. Она не сомневалась, что дон ни за что не уволил бы Алексея. По крайней мере, прежде попробовал бы уговорить его остаться.

Но заявление видела секретарша, и слухи об уходе Алексея успели расползтись по заводу. В тот же день к Маше в ОГК прибежала молоденькая нормировщица из двенадцатого цеха.

– Мария Игоревна, правда, что Алексей Павлович уходит от нас? – спросила она.

– Хотел, – ответила Маша. – Вы же сами сказали, что он еще молод командовать.

– Мария Игоревна, это Толя сказал, а он у нас в цехе всего неделю работает, не знает еще совсем Алексея Палыча!.. Мария Игоревна, скажите ему, что мы очень извиняемся, и очень просим его остаться... А почему он не пришёл сегодня на работу?

– Заболел, – сказала Маша. – Не без вашего участия, между прочим.

– Я знаю, мы так виноваты... Скажите Алексею Палычу, что такого больше не повторится, пусть нам даже все-все субботы придётся работать!

– Хорошо, я передам ему всё, что вы мне сейчас сказали, – улыбнулась Маша. – Он хотел уйти, но передумал.

– Слава Богу! – воскликнула девушка, и побежала сообщить радостную весть цеху.

*

После этого случая двенадцатый цех стал работать более или менее стабильно. А когда не было проблем, то и болел Алексей реже. Теперь он редко задерживался на работе, и больше времени проводил с семьёй. Маша обожала эти семейные вечера, когда она готовила ужин на кухне – готовить для любимого мужа и детей ей было не в тягость, а он занимался с детьми. Маша видела в открытую дверь, как Алексей, Алиса и Радик играют. Они то строили из кубиков замки, то складывали из них слова, то возили кубики на самосвале по проложенной из подручных материалов дороге. Часто Алексей усаживал детей на колени и читал книжки.

А если ужином занимался Алексей – они готовили по очереди, то с детьми играла Маша. Они разучивали считалки, играли в прятки и в куклы. Маше нравилось играть с детьми и наблюдать в открытую дверь гостиной, как Алексей колдует над кастрюлями. Часто они встречались взглядами и улыбались друг другу.

После ужина играли вчетвером, в восемь Маша укладывала детей спать. И начинался долгий вечер вдвоём, плавно переходящий в ночь.

По выходным семья Морозовых отправлялась в гости к бабушке и дедушке, в кино, театр, или в парк на аттракционы. Иногда, оставив детей у родителей, Алексей и Маша шли на дискотеку или в ресторан, а то и просто погулять по вечерним улицам города и побыть вдвоём.

Это было чудесное, счастливое время для всех четверых.

Седьмого мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в день рождения, когда Алексею исполнилось двадцать пять, он пришел на работу, и увидел у дверей кабинета огромные букеты цветов. В кабинете тоже везде были цветы, а на двери плакат с поздравлением в стихах. Поздравление было длинное, в нём говорилось обо всех заслугах Алексея, о которых, оказывается, его подчиненные не забыли, что за свои двадцать пять он сделал столько, сколько иной не смог бы и за пятьдесят. Стихи не везде были хороши, и рифмы порой соблюдались весьма приблизительно, но все слова были от души. Алексей был растроган до слез.

Маше из всего поздравления почему-то запомнились только три последние строчки:

«...пусть дни летят, бегут года,

Мы просим вас, желаем вам,

Таким остаться навсегда!»

Дела в цехе шли нормально, поэтому в августе Алексей с легким сердцем оставил цех на заместителя, и вместе с Машей и детьми уехал в отпуск в Золотавино.

Там их ждала нерадостная новость: за три дня до их приезда в автокатастрофе погибла Наташа Рукавишникова. Они всей семьёй ехали на мотоцикле, а пьяный водитель грузовика не справился с управлением, и выехал на встречную полосу. Наташа каким-то образом успела столкнуть мужа с мотоцикла, и он отделался переломом руки и несколькими синяками. Дети сидели в коляске, и не пострадали, только испугались, а Наташа погибла.

Но, несмотря на это печальное событие, Морозовы отпуск провели отлично: загорали, купались, ходили в лес за ягодами и грибами.

А когда вернулись домой, их тоже ждало неприятное известие: в двенадцатом цехе произошла авария. Разладился промышленный робот, которого Алексей запустил два года назад. Два человека серьёзно пострадали. В случившемся обвинили Алексея, хотя в день аварии он был в отпуске.

Узнав об аварии, он хотел сразу ехать на завод, но стало плохо с сердцем, и он не смог даже выйти за порог. Маша вызвала «Скорую», и Алексея увезли в больницу.

Он проболел десять дней, за это время провели расследование, и выяснилось, что Алексей не виноват. Оказалось, кто-то ввёл в программу неверные данные, а Алексей не мог это сделать, так как его в то время не было на заводе и вообще в городе.

Маша, конечно, была рада, что Алексей не виноват, но ему от этого легче не стало. Его выписали из больницы, но работать он не мог из-за постоянной боли в сердце. Поработав один день, снова на неделю оказался на больничном.

В итоге, в сентябре он провел на больничном в общей сложности три недели, а работал только одну. Вскоре и Маше, и Алексею стало ясно, что он не сможет работать в должности начальника цеха. А без него дела в цехе шли все хуже и хуже. То, что он с таким трудом наладил за два года, разваливалось не по дням, а по часам. Алексей расстраивался, а результатом были боли в сердце.

Из сложившейся ситуации было два выхода: или менять работу, или сделать операцию на сердце.

Менять работу Алексей не хотел, а операции боялся.

Но надо было что-то выбрать, и он решил уйти с завода и поступить в аспирантуру, которую ему предлагали сразу после защиты диплома. Но тогда он решил, что от него будет больше пользы на производстве.

Когда рабочие двенадцатого цеха узнали, что Алексей уходит с завода, они все пришли к его дому и выстроились под окнами, а в квартиру послали делегацию.

Алексея в тот день выписали с очередного больничного, и на следующий день он собирался написать заявление об уходе. Когда Маша сказала, что к нему пришли с завода, он заволновался, и сначала не хотел никого принимать, но передумал.

В комнату вошли Анатолий Иванович, лучший станочник цеха, и Алёна, контролер.

– Как вы себя чувствуете, Алексей Павлович? – спросила Алёна.

– Спасибо, хорошо, – ответил Алексей.

– А мы теперь опять работаем по субботам, – пожаловалась Алёна.

Алексей промолчал, опустив голову.

– Да это ладно, переживём, не сорок первый, – махнул рукой Анатолий Иванович и добавил: – Алексей Палыч, говорят, вы уходите от нас?

Алексей снова ничего не ответил. Маша заметила, как задрожали у него руки, сцепленные на коленях.

– Не уходите, пожалуйста, – попросила Алена.

– Я не могу, – с трудом поговорил Алексей. – Я должен.

– Если это из-за аварии, то напрасно, – сказал Анатолий Иванович. – Вы были не виноваты, мы это знали с самого начала, и сразу об этом говорили. А если мы порой сердились на вас, то простите нас, мы же потом всегда понимали, что Вы были правы.

– Я ухожу не из-за аварии, – медленно проговорил Алексей. – И конечно, не из-за обиды на вас. Я не хочу уходить. Но я должен...

– Не уходите, Алексей Павлович, – сказала Алена. – Мы вас просим все. Взгляните в окно.

Алексей подошел к окну. Пятьдесят человек стояли внизу и с надеждой смотрели вверх, на окна девятого этажа. Алексей прислонился лбом к стеклу и... заплакал.

Маша увела его на кухню, усадила на стул, накапала в стакан валерьянки, вложила стакан в руки Алексею, а сама вернулась в комнату.

– Ну, и зачем вы сделали это? – Маша указала в окно. – Думаете, ему легко было принять решение уйти с завода? Да он жить не может без вашего цеха, чтоб он провалился! Я уже просто не знаю, кого он любит больше, семью или работу, будь она неладна!.. Алексей серьёзно болен, вы это знаете! Он уходит, потому что не может работать на заводе по состоянию здоровья!

Анатолий Иванович и Алёна растерянно переглянулись. Маша хотела еще что-то добавить, но в это время в комнату вошел Алексей. Он был бледен, но взгляд стал решительным и уверенным.

– Я не уйду с завода, – сказал он.

– Спасибо, спасибо, Алексей Павлович! – радостно воскликнула Алёна и кинулась обнимать Алексея, а Анатолий Иванович крепко пожал ему руку.

– Когда вы вернётесь? – спросил он.

– Так скоро, как смогу, – ответил Алексей. – Вы там, пожалуйста, постарайтесь, чтобы я не на развалины вернулся...

– Конечно, мы постараемся! – пообещала Алёна.

Делегация распрощалась и ушла сообщать радостную новость остальным.

– Лёшка, ты сошел с ума! – сказала Маша. – Ты же прекрасно понимаешь, что не сможешь работать в цехе!

– Маша, я очень люблю тебя, и наших детей, очень. Но не могу уйти с завода, – тихо ответил Алексей. – Не могу их бросить... Этот цех... это моё творение, я его практически создал заново из руин... И всё это оставить снова разваливаться не могу и не хочу. Поэтому соглашусь на операцию. После неё я не буду болеть, и у меня на всё будет хватать времени, и на семью, и на работу. Ты согласна со мной, Маша?

– Согласна, – она заставила себя улыбнуться, потому что слово «операция» наводило на неё дрожь. – Если ты уйдешь с завода, то будешь проклинать себя за это всю жизнь... А как же твоя аспирантура?

– Да пропади она пропадом! – махнул рукой Алексей.

Приняв решение пойти на операцию, он успокоился, и даже повеселел. Он вышел на работу на несколько дней, дал ценные советы и указания заместителю, и пошёл «сдаваться». За несколько дней Алексей прошёл все обследования, сдал всевозможные анализы.

– Завтра ложусь на операцию, – объявил он Маше вечером.

– Уже завтра? – испуганно спросила она.

– Не волнуйся, – ответил Алексей. – Операция будет только дня через три-четыре. Такие у нас давно проводят, почти никакого риска нет. И уже через месяц я буду абсолютно здоров.

Маша понимала, что Алексей говорит это, успокаивая скорее себя, чем её. И она постаралась беспечно улыбнуться в ответ.

Уложив детей спать, Алексей и Маша тоже легли. Их путешествие в страну любви началось долгим поцелуем. Они любили друг друга, как в первый раз, страстно и нежно. А потом отдыхали, лежа рядом на влажных от разгоряченных тел простынях.

А когда Алексей снова хотел обнять и поцеловать Машу, она ласково прикрыла его губы ладонью.

– Не надо, милый. Сейчас не время.

– Почему? – спросил он, целуя её ладонь. – Сейчас ночь – самое время любить.

– Тебе надо отдохнуть и выспаться. Ты должен завтра на приёме у врача хорошо выглядеть. А для любви у нас впереди целая жизнь.

– Ты права, как всегда, – со вздохом согласился Алексей. – Но мне не хочется спать.

И они долго лежали без сна, прижавшись друг к другу плечами. Маша услышала, как Алексей вздохнул.

– Ты всё-таки боишься? – спросила она.

– Конечно, – признался он. – Но я принял решение, и не хочу его менять.

– Не думай об операции, – посоветовала Маша. – А думай, что будет после.

И они стали мечтать о том, что будет после. Как у них родятся еще двое детей, еще мальчик и еще девочка. Как купят машину, и её научится водить Маша, потому что Лёшка не может из-за больной спины. Как переедут в новую, трёхкомнатную, нет, в четырёхкомнатную квартиру, а лучше построят дом. В котором у каждого будет собственная комната. А потом родят еще ребёнка, вот только еще не решили, кого, мальчика или девочку, а лучше сразу двух, чтобы близняшки...

Под утро они, наконец, уснули.

Утром Алексей разбудил Машу поцелуем еще до звонка будильника. У него было хорошее настроение.

– Я загадал вчера, – сказал он. – Если сегодня проснусь первым, операция пройдет успешно.

– Не сомневаюсь в этом, – заверила Маша.

– Только не представляю, как переживу вынужденную разлуку с тобой и детьми, – вздохнул Алексей.

– Я буду приходить к тебе каждый день, – пообещала Маша. – Время быстро пройдет, вот увидишь.

– Я люблю тебя, – сказал Алексей.

– Я тоже тебя люблю, – ответила Маша и добавила: – Еще в детстве мама мне сказала, что когда ко мне придет настоящая любовь, я её сразу узнаю. И оказалась права. Я, когда увидела тебя впервые, сразу поняла, что люблю тебя. Ты – моя первая и единственная любовь.

– А как же Славик Нехорошков? – лукаво улыбнулся Алексей.

– Я думала, что люблю, а на самом деле он мне просто нравился, – ответила Маша. – Уже тогда я любила только тебя. Я тебе рассказывала... я тебя придумала, и еще тогда полюбила.

– Ты тоже моя первая и единственная любовь, – сказал Алексей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.